

Антон О'скоттский

Фабрика героев. Опытный образец

16+

АНТОН О'СКОТТСКИЙ

Фабрика героев. Опытный образец

«Автор»

2018

О'скоттский А.

Фабрика героев. Опытный образец / А. О'скоттский — «Автор», 2018

Стране нужны Герои! Хотя бы один. Но где его взять? На дороге Герои не валяются, да и вообще с ними в последнее время туго. Выход есть: нужно Героя создать. Троим бывшим лучшим и одному государственному преступнику предстоит не только построить "предприятие по производству Героев", но и изготовить пробный экземпляр из предоставленного материала. А Герой-то, оказывается, нужен совсем не для совершения подвигов.

© О'скоттский А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая.	7
Проектирование.	7
Часть вторая.	38
Изготовление.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

АНТОН О'СКОТТСКИЙ

Фабрика героев. Опытный образец

Пролог

Король сидел на троне. Король, как король – не молодой, не старый, в зубчатой золотой короне, в соболиной мантии. Разве что без скипетра и державы в руках, как принято изображать монархов на картинах. Не было у него этих регалий отродясь, да и не нуждался он в них. Да и вообще не в короле дело. Дело в том, кто стоял перед ним.

На второй ступени тронного возвышения стоял Мастер. Различных специалистов королевство насчитывало немало. Но вот настоящих Мастеров, именно так, с большой буквы М, не то, что в королевстве – по всему миру – можно было пересчитать по пальцам одной руки. Мастер мог все. Не сам, конечно. Многого он не умел, да и не стремился уметь. Зато он умел находить людей, которые смогут выполнить поставленную задачу лучше всего.

Итак, король сидел на троне, а перед ним стоял Мастер.

– Я предлагаю организовать производство героев, – негромко проговорил Мастер.

– Ты хотел сказать обучение.

– Я сказал то, что хотел сказать.

– Поясни.

– Обучением занимается сапожник или кузнец. Героями становятся.

– Тогда зачем их производить, если ими и так становятся?

– У героев есть слава. И эта слава распространяется не только на них самих, но и на государство, к которому они принадлежат.

– И зачем нашему маленькому королевству столько славы?

– Слава имеет политический вес. И очень большой! Я бы сказал, что вес славы обратно пропорционален размеру государства.

– То есть, чем меньше страна, тем больше ей необходима слава?

– Именно так. Вспомните историю. Например, город Волков. Была деревушка на отшибе, а вокруг глухой лес и стаи волков. Никто бы и не узнал никогда об этом поселении, если б не поселился там Никита-лесоруб. Рассказали ему про Волчьего короля, и что тот, кто победит его, освободит окрестные леса от волков. Рассказали и как можно победить – специальный настой выпить да голыми руками биться. Ну а дальше все, как полагается. Победил Никита-лесоруб Волчьего короля, белую шкуру с короной во лбу принес, показал. И сразу же волков в округе сильно поубавилось. Слава о подвиге разнеслась далеко, и отвар волшебный стал таким бешеным спросом пользоваться, что Никита забросил топор подальше и отваром тем торговать стал. А где есть один товар, там и остальная торговля поднимается. Вот и вырос город Волков из маленькой глухой деревушки за счет славы.

– Только поговаривают, что волков в тех краях поубавилось не из-за смерти Волчьего короля, а оттого, что Никита-лесоруб никакой не лесоруб был. А был он, говорят, профессиональный волчатник. И не деревню он освободить собирался, а шкуру того самого Волчьего короля заполучить желал.

– Это зависит от того, как подвиг преподнести, – усмехнулся Мастер.

– Значит, славу приносят не сами подвиги?

– Именно подвиги. Ведь, несмотря на то, что Никита-лесоруб победил Волчьего короля из корысти и тщеславия, подвиг налицо. Сколько легенд ходило о волке с белой шкурой и короной во лбу!

– Говорят еще, что где-то в чаще Никита-лесоруб обнаружил логово Волчьего короля, а в нем двух волчат белой масти...

– Говорят. Вероятно, удовлетворившись одной шкурой, герой оставил возможность впоследствии совершить подвиг другим.

– Я так понял, что время от времени должны появляться герои и совершать подвиги. Ну, чтобы поддерживать славу на необходимом уровне.

– Верно. И к подвигам героя нужно подготовить. Ведь, чем больше подвигов он совершит, тем больше славы получит. Беда в том, что подвиг часто совершается в безвыходной ситуации, и многие становятся героями посмертно.

– Как это?!

– Да очень просто. Когда гарнизон из двадцати восьми новобранцев трое суток удерживает полуразрушенную пограничную крепость. Против трех тысяч подготовленных воинов! А когда враги все-таки врываются в крепость, последние уцелевшие подрывают запасы пороха в подвалах.

– Да, Пантелеевские пушкари – отличный пример. Но ты, Мастер, как я понимаю, вел речь о подвигах иного характера?

– Я говорил о подвигах легендарных, мифических. Рассказы о которых будут передаваться из уст в уста.

– И ты утверждаешь, что для таких подвигов необходимо создавать, – король выделил это слово, – специальных героев.

– Именно!

– Каким же образом? Искать третьих сыновей с именем Иван?

– Я рассматривал эту идею. Но пришлось от нее отказаться. Для разных подвигов нужны определенные герои. Иваны, например, отлично справляются с добычей различных артефактов, редчайших животных, но совершенно не годятся в дракоборцы.

– Так ведь и драконов уже почти не осталось! – удивился король.

– Остались. Просто их вытеснили в менее обжитые места. А кроме драконов есть ведь еще великаны, тролли, гоблины, злые колдуны, в конце концов.

– Иван против гоблинов! – расхохотался король.

– Теперь понятно?

– Ну, хорошо. И откуда же ты собираешься брать будущих героев?

– Я бы хотел пока оставить это в тайне.

– Будь по-твоему. На то ты и Мастер. А от меня-то что тебе тогда нужно?

– Нужен указ о создании предприятия...

– ...по производству героев, – король на троне сложился от хохота.

– Можно назвать и так. Кроме того, необходимо привлечь некоторых... людей для обучения и тренировки.

– И без моего слова никак не обойтись?

– Дело в том, что большинство из них у вас в немилости. А кое-кто вообще государственный преступник.

– И много их таких?

– Пока я подобрал четыре кандидатуры.

– Хорошо. Можешь подать запрос по каждому лично?

Мастер молча вынул из-за пазухи тонкую пачку бумаг и протянул королю.

– Я смотрю, ты все подготовил заранее.

– На то я и Мастер! – он отвесил королю поклон.

Часть первая.

Проектирование.

В самом центре королевства, недалеко от столицы есть Непроходимое болото. Название свое оно получило просто потому, что никто по нему проходить не хотел. Ну, действительно, чего лезть в болото, если можно обойти вокруг по проторенной дороге – чуть дальше, зато быстрее и ноги сухие. Так что, это было место спокойное и тихое, куда нога человека ступала крайне редко.

В середине болота был остров, на котором стояло одинокое зимовье – небольшой сруб-пятистенник с единственной дверью и маленьким окошком под потолком. Пользовались им нечасто. Да и построено оно было только по настоянию главного картографа, который посчитал, что зимовья должны находиться друг от друга на расстоянии не больше одного дневного перехода. Эта идея, как и большинство других, на самом деле принадлежала Мастеру. А к его слову принято прислушиваться.

И вот теперь, опять же благодаря Мастеру, это полузаброшенное жилье обживали четверо. Один государственный преступник и трое бывших лучших. Сам Мастер появился здесь всего однажды, оставил напутствие и велел готовиться к созданию первого героя.

На третий день четверо новых обитателей Непроходимого болота все-таки собрались все вместе. Они подозрительно поглядывали друг на друга, но деваться было некуда – Мастер велел. Особенно неуютно чувствовал себя государственный преступник. Об остальных он был наслышан. И вот настало время с этими людьми познакомиться.

Погода стояла хорошая, поэтому все четверо устроились на завалинке. Государственного преступника как бы невзначай поместили в середине. Высокий седобородый старец встал перед остальными, опираясь на посох, и посмотрел исподлобья. Глаза его словно светились под густыми бровями.

– Что ж, давайте знакомиться, – произнес он тихим, но звучным голосом, – тебя, Стрелок, я знаю. О тебе, Воевода, наслышан. А ты кто будешь? Неспроста тебя Мастер с нами снарядил.

– Видать, неспроста, – промямлил государственный преступник, – Казначей я. Бывший.

– Лучший?

– Не из простых, наверняка, – ткнул его локтем сосед слева и подмигнул.

– Простые в темнице не сидят так долго, – согласился Казначей.

– Занятая у нас компания подобралась, не замечаете? – продолжил старец, – бывший лучший Стрелок, бывший лучший Воевода, бывший лучший Волшебник и бывший лучший Казначей. Подозреваю, никто не обидится, если имена мы оставим при себе.

– Такова судьба опального. Все о тебе наслышаны, но имени произносить нельзя. Бывший лучший – прямо титул какой-то! – вздохнул правый сосед казначея, – Стрелок я.

– А я, стало быть, Воевода, – добавил левый.

– И кто знает, для чего Мастер собрал именно нас именно здесь?

– Я знаю, – попытался приподняться Казначей. Однако зажавшие его Стрелок и Воевода даже не заметили этого порыва.

– Интересно.

– У меня в сундучке бумаги есть, там все написано, – добавил Казначей, понимая, что просто так его не выпустят.

– Бумаги подождут, – неспешно проговорил Волшебник, – можешь сам рассказать? Мастер тебя же не только бумагами снабдил?

- Не только. Еще много чего наговорил! Я половину сам не понял.
  - Тогда расскажи то, что понял.
  - Мы должны создать героя.
  - Это все, что ты понял?
  - В общем, да. Дальше – подробности.
  - Давай подробности! – велел Воевода.
  - Мне поручено заняться административной частью. Бумаги, материалы, рабочие, обеспечение – все, что понадобится для строительства.
  - Строительство чего? – прервал затянувшуюся паузу Воевода.
  - По-ли-го-на, – продекламировал Казначей по слогам загадочное слово, – ну и жилья, складов, кузни. Короче, всего, что необходимо построить. Там, в сундучке, все есть.
  - А мы зачем понадобились? Не за тобой же следить он нас приставил. Хоть и велел глаз пока не спускать.
  - А вы будете заниматься непосредственно про-из-вод-ством.
  - Производством? – переспросил Волшебник.
  - Ну, изготовлением, созданием, деланием героя.
- Стрелок присвистнул:
- Как же его создавать-то?!
  - Это уже не по моей части. Извините, – Казначей наконец вывинтился из середины, – теперь можно я все-таки за бумагами?
  - Так это тот самый Казначей?! – озвучил общую мысль Стрелок, когда Казначей скрылся за дверью.
- Да. Это был тот самый Казначей.

Вечером собрание продолжили. К тому времени Воевода с Казначеем соорудили стол и пару скамей, Волшебник сварил думное зелье, а Стрелок добыл утку. Последняя очутилась в центре стола и всеобщего внимания на некоторое время.

– Полагаю, пора, – произнес Волшебник, вытирая пальцы. Он протянул руку за спину, и в нее легла фляга.

– По чарочке? – довольно потер руки Воевода.

– По стопочке, – сурово оборвал Волшебник, – от чарочки в твоих мозгах столько мыслей умных появится, что голова лопнет.

Волшебник разлил. Выпили, крикнули.

– Пришлось на спирту настаивать, – выдохнул Волшебник и, заметив, как Казначей потянулся за стрелкой лука, торопливо добавил, – не закусывай! Эффект не тот получится.

Они не закусили, и эффект превзошел все ожидания. Мир приобрел четкость и яркость. В головах наступило затишье – ни одной мысли. То есть вообще ни одной!

Первым молчание прервал Казначей:

– Как-то... не... пра...

Волшебник молча выставил ладонь перед собой, заставляя замолчать. Потом собрал пальцы в щепоть и щелкнул. Звук получился оглушительный. А вслед за ним ринулись мысли. Безудержным водопадом они обрушились на каждого, погребая под спудом таких удивительных и фантастических идей! Семьдесят четыре способа обогатиться, не вкладывая ни гроша! Тридцать восемь планов сражений с неминуемой победой! Четыреста шесть рецептов уникальных зелий! И один идеальный лук.

– Мы его теряем! – взгляд Волшебника остановился на зачарованно улыбающемся лице Стрелка, – герой!

Поток мыслей прервался столь же внезапно, как и начался. Но теперь в головах уже не было первоначальной пустоты. Головы стали заполнять образы. Витязи, в одиночку сражаю-

щиеся с целыми армиями, битвы чародеев с полчищами нечистой силы, парады и чествования. И Стрелок, пускающий из идеального лука волшебную стрелу в пасть огнедышащего дракона.

– Мы все еще теряем его! – Волшебник продолжал смотреть на улыбающегося Стрелка.

– Нам нужно создать героя!

В головах вновь воцарилась пустота.

– Не выходит, – пробормотал Казначей.

– Давайте попробуем с другого конца, – предложил Воевода, – подвиг!

И вновь в головах троих бывших лучших и одного государственного преступника закружились образы. Отступающие орды и освобожденные жители, качающиеся на руках богатыря, рушащаяся темная цитадель и разбегающиеся тучи, волчьи и львиные шкуры, молодильные яблоки, прекрасные женщины, освобожденные из плена. И Турбовол, пораженный стрелой в левый глаз.

– Есть! – воскликнул Стрелок.

– Сработало! – обрадовался Волшебник.

– Нужно готовить героя к подвигу, – констатировал Воевода.

– К какому? – уточнил Казначей, – в зависимости от предстоящего подвига герою понадобится соответствующая подготовка.

– Турбовол.

– Ты ж его уже победил! Да еще и от награды потом отказался.

– Конечно, отказался! Двоеженство в королевстве под запретом. Развод тоже не в чести.

А то, что короля обидел – награду надо правильно назначать!

– Я ему то же самое говорил. Да кто ж послушает заключенного государственного преступника! – Казначей тяжело вздохнул.

– Кроме Турбовола еще немало чудищ осталось в округе, – заметил Волшебник, – решено! Будем готовить охотника на чудищ.

– Может, все-таки витязя-одиночку? – вяло попытался протестовать Воевода.

– Это узкая специализация. Для демонстрации нам в идеале нужен универсальный герой.

– Слишком сложно и затратно, – тут же вставил Казначей.

– Поле деятельности для охотника на чудищ весьма обширно, – подытожил Волшебник, – герою придется обладать многими умениями. Чудище чудищу – рознь!

– Прибыль маловата, – прошептал Казначей.

– Про славу не забывай! Слава дороже денег!

– Да про нее и толкую. Ну, сколько славы принес Турбовол?

– Достаточно, чтобы смертельно оскорбив королевскую семью, я оказался всего лишь в опале, а не был казнен жесточайшим образом на следующий день.

– Достаточно, чтобы королевство немного потеряло влияние среди соседей, – отметил Казначей, – это при том, что Турбовол был хорошо разрекламирован.

– Ага! Значит, нам нужно не только создать героя, но и подвиг тоже подготовить?!

– И, главное, правильно подготовить зрителей! – завершил Казначей, – непосредственно подвиг играет небольшую роль. Самое главное – правильно его преподнести!

– Вот ты этим и займешься, – резюмировал Волшебник, – опыт у тебя, по всему видно, богатый.

– Богатый, – насупился Казначей.

Здесь стоит немного отвлечься и поподробнее рассказать о Казначее.

Отец его не был казначеем. Казначеем был дед. Отец управлял монетным двором – он на вкус определял состав любого сплава. С раннего детства у Казначея проявились таланты к математике и финансам. Любимыми игрушками стали фальшивые монеты из коллекции отца. Он даже пытался распробовать их вкус, но успеха не добился.

В десять лет он предположил, что деньги – особенная форма жизни. К двенадцати он был в этом уверен. Деньги не терпят одиночества и бездействия. Они любят странствовать и знакомиться с новыми людьми. Одинокая монетка, слишком долго залежавшаяся в кармане, в конце концов, сбежит в поисках приключений и нового хозяина. А еще деньги умеют работать и размножаться.

Все это будущий государственный преступник знал к тому времени, когда дед определил его в обучение к бухгалтеру небольшого публичного дома на окраине столицы. Бордель этот не пользовался большой популярностью, но стабильный доход приносил, и хозяин этим был доволен. До тех пор, пока юный Казначей не изобрел рекламу.

Один из семидесяти четырех способов обогатиться, не вкладывая ни гроша.

Надписи на заборах – привычное дело. Но если надпись сделать необычной, яркой, да еще и запоминающейся. . . Фраза родилась сама собой. И скоро все заборы в окружающих кварталах украшала разноцветная надпись: «Лучшие пышки у Косого Мишки!»

Успех! И какой успех! Клиент начал валить. Многие, разумеется, шли за булочками и разочаровывались. Но приходили и ценители пышных женских форм. Успех был отмечен и в семействе Казначей. Отец всыпал ему для профилактики, дед – за то, что юноша ограничился единовременной выплатой гонорара, а не потребовал процент с дохода.

Урок был усвоен, и уже в четырнадцать лет Казначей вместе с другом-художником, подававшим большие надежды, организовали первое в столице рекламное бюро. Очень скоро все свободные заборы, а кое-где и стены, были украшены не только зазывающими надписями, но и рисунками, их подчеркивающими. И тут грянул гром. Налог на рекламу просто обязан был появиться, и он не заставил себя долго ждать. И штрафы за неуплаченный налог с момента появления рекламы и до момента введения налога. И это был еще один способ обогатиться, не вкладывая ни гроша!

Бизнес продолжал приносить хороший доход, но молодого предпринимателя он уже не радовал. Теперь Казначей знал, к чему стремиться. Его влекли деньги. Деньги – как форма жизни. Деньги – как сама жизнь.

Быть государственным преступником Казначею понравилось даже больше, чем просто управлять финансами государства. Прежде, чем быть преданным суду, Казначей имел беседу с королем и Мастером. Без посторонних. О чем они договаривались и как, никому достоверно не известно. Однако все трое остались довольны. Главным результатом для короля и королевства стал гениальный казначей, который сидит под замком и занимается любимым делом. То есть приносит государству доход. Казначей в свою очередь был весьма рад отгородиться от множества просителей и заниматься любимым делом. То есть исследовать жизнь денег. Мастер теперь был уверен, что всегда сможет найти лучшего финансиста в обозримых пространствах и обозримом будущем. И сможет убедить его заняться любимым делом. А уж уточнить, какое дело для Казначей станет любимым, Мастер сможет в нужное время.

В общем, Казначей официально числился государственным преступником и содержался под стражей. В то же время он продолжал оставаться официальным казначеем и находиться при государственных деньгах. Парадоксальное решение принадлежало, разумеется, Мастеру.

И вот в один прекрасный день Мастер пришел за Казначеем.

– Я предлагаю тебе заняться любимым делом, – произнес он с порога.

Государственный преступник оторвался от государственных дел и уставился на вошедшего:

– Мне казалось, что я и так занимаюсь любимым делом.

– До этого момента так оно и было. Теперь я предлагаю тебе новое любимое дело.

– Но мне еще это не надоело!

– Я не заставляю тебя бросать прежнее любимое дело. Я предлагаю тебе еще одно, дополнительное.

– Но разве может быть сразу два любимых дела?!

– Если они тесно связаны – хоть три!

– Ты меня заинтересовал, Мастер. Продолжай уговаривать.

Мало кто мог позволить себе говорить с Мастером таким тоном. Казначей мог. Он знал себе цену. Он – лучший.

– Есть вещь... даже, не вещь, а, скорее, понятие... сродни деньгам...

– Есть, – согласился Казначей и замолчал.

– Слава, – закончил Мастер, прерывая затянувшуюся паузу, – и я предлагаю тебе заняться ее изучением. На практике.

– Ты предлагаешь, – государственный преступник запнулся, пытаясь максимально точно сформулировать предложение Мастера.

– Я предлагаю тебе заняться созданием славы. А потом и преумножением.

– Да. Слава и деньги во многом схожи. Но во многом и различаются. Главное отличие славы в том, что ее нельзя пощупать, взвесить, попробовать на вкус.

– Но при этом она есть! И в отличие от денег она не нейтральна. Слава – вообще весьма капризная штукавина. И никому, кроме тебя, я не могу доверить работу с ней. История с Турбоволом еще свежа.

Да, тот случай не скоро забудется. Подвиг, совершенный лучником, чье имя теперь проносить запрещено, должен был принести королевству славу. И принес. Да только не ту, которую хотелось. Из-за упрямства короля, желавшего любым путем выдать дочурку замуж, победа над кровожадным вепрем обернулась трагедией для королевской семьи. И на отношениях с соседями отразилась не лучшим образом.

– А я предупреждал, что свадьба – не лучшая награда.

– Итак, ты принимаешь мое предложение?

– В общих чертах все понятно. Хотелось бы теперь узнать подробности. Я даже не представляю, с какой стороны подступиться...

– Здесь я тебе уже помог. Славу приносят герои.

– Я что, похож на героя?!

– В какой-то мере ты и есть герой. И славой обладаешь. Причем, поверь мне, внушительной. Но в данном случае герой нужен классический, совершающий подвиги.

– Подвиги приносят славу герою. Герой – государству, – проговорил под нос Казначей, – и никаких налогов! Интересная схема. И где мне такого героя взять?

– Сделать.

И вот государственный преступник в компании троих бывших лучших приступил к созданию героя. Стоило им решить, для каких подвигов будет создаваться герой, как работа пошла гораздо легче.

Уже на следующее утро Стрелок отправился подробно изучать Непроходимое болото. Его интересовало, насколько хорошо оно подойдет для обучения охотничьему мастерству. Победить чудовище – завершающая, самая красочная часть подвига. Но до этого необходимо зверя выследить, подготовить место схватки и заманить его туда.

Воевода тем же утром взял топор и намеревался начать рубить ближайшее дерево. Но Казначей успел его остановить:

– Если ты решил пустить его на дрова, то зря. Оно еще зеленое. Лучше поищи сухое дерево.

– Я решил пустить его на строительство, – буркнул Воевода.

– Тогда тем более, зря. Это ж липа!

- Да хоть осина! Какая разница, из чего возводить укрепления!
- Стоп! Зачем нам укрепления?
- Ну, не совсем укрепления. Я подумал, что нам понадобится изба побольше...
- Нам понадобится несколько зданий, – опередил его мысль Казначей, – более того, нам понадобится еще и по-ли-гон, – ему очень понравилось это незнакомое слово.
- Зачем? Мы же готовим охотника...
- А всегда ли охотиться на чудищ приходится в лесу? Я слышал, некоторые из них предпочитают города.
- И то верно. Значит, срублю десяток деревьев и начну строить полигон.
- Как ты себе это представляешь?
- Вон там будет пара домов, здесь башню поставим, тут кусок стены можно сделать.
- А ты не думал сначала план нарисовать?

Воевода потупился и тихо проговорил:

- Не умею я рисовать. Да и писать толком тоже. Необразованный я.
- Как же ты тогда готовил сражения?! Гениальные победы – и без плана боя?!
- Как это без плана! – насутился Воевода, – всегда был план.
- Ну и как же ты, например, составлял план битвы при Смердящей?

То была великая битва. Можно сказать, настоящей битвы и не было – непосредственно бой продолжался всего полдня. Вторые полдня считали потери и добычу. Пленных оказалось столько, что их считать не стали. И речку Вонючку быстро переименовали в Смердящую. Великой победе – красивое название.

Воевода отложил топор, взял корзину и скрылся в зимовье. Через некоторое время он вернулся к столу. Теперь корзина была полна снеди.

– Вот. Смотри. Это – речка Вонючка, – Воевода выудил связку колбасок и расстелил ее на столе, придав изгибы так, что действительно стало похоже на реку. После чего он достал несколько мешочков с крупами и расположил их на одном берегу, – это холмы, – прокомментировал он.

За холмами последовал окорок, то есть скала на противоположном берегу. Потом пучки петрушки и укропа – березняк и сосняк. Стрелки лука обозначили дорогу к переправе, а щепотка соли – брод.

– Местность выглядит примерно так. Теперь войска. На скале у них лучники и катапульты, – на окороке очутились несколько головок лука и орехов. Вслед за ними заняли свои места конница (зубчики чеснока), пехота (картофелины), копейщики (свекла) и две пушки (курительные трубки Воеводы и Волшебника).

– А теперь самое интересное, – провозгласил Воевода, – начинаем битву. Каждая сторона делает ход по очереди. Сначала нападающие обстреливают нас из луков и катапульт. Наша пехота укрывается в перелеске. Конница далеко. А вот лучники наши уже перебрались на вражеский берег, – Воевода передвинул свои луковицы через колбаски там, где они делали два крутых изгиба, – теперь вражеская конница должна форсировать брод.

Зубчики чеснока перескочили по соли на наш берег и атаквали свеклу. Больше никого атаковать они не могли – войска Воеводы расположились грамотно. Наши луковицы тем временем переместились в укроп и петрушку на противоположном берегу, заходя в тыл вражеской картошке и свекле. Второй залп луковиц и орехов, расположившихся на окороке, уничтожил свеклу Воеводы, расправлявшуюся с чесноком. Вражеские картофелины двинулись в атаку. И тут выяснилось, что выше по течению зубчики чеснока Воеводы заранее соорудили запруду. И как только луковицы перешли обмелевшие колбаски, снесли преграду. Второй ряд колбасок понесся через стол, сметая заросли укропа и петрушки по берегам, соляной брод и не успевшую пройти картошку. Вражеская картошка на нашем берегу мгновенно оказалась окружена, а оставшиеся на другом берегу свекла и лук не могли ей уже ничем помочь. Луковицы Воеводы

успели уничтожить орехи, а трубки завершили дело залпом по окороку, заставив противника покинуть возвышение. К концу боя как раз подospel чеснок, чтобы вместе с луком окружить остатки вражеских войск.

– Примерно так выглядело сражение на пятнадцатый раз, – констатировал Воевода, – предыдущие четырнадцать я проиграл. Или выиграл с такими потерями, что на обороноспособности королевства можно ставить крест.

– Так вот как выигрываются исторические сражения! Ты обязательно должен обучить этому нашего героя. Если подвиг готовить с той же тщательностью, слава нам обеспечена!

– Не нам, а герою, – парировал Воевода.

– Он с нами поделится, не сомневайся.

– А если он не пожелает делиться?

– Этот вопрос я беру на себя, – улыбнулся Казначей, – а ты пока можешь подготовить план нашей местности. И разместить на нем все необходимые строения.

Вернувшийся под вечер Стрелок, был остановлен предупреждающим воплем Воеводы:

– Стой! Не наступи!

Опустив взгляд, тот разглядел, что едва не раздавил пучок укропа, воткнутый в землю и изображающий дерево. И таких пучков и стоящих по отдельности веточек укропа наткано было по всей поляне перед домом. В некоторых местах зияли ямы или были насыпаны свежие бугорки. Также утыканные укропом. Сам Воевода, осторожно переступая через укроп, медленно пятился.

– Надо будет огородить. Обходи вдоль дома!

– И что это такое? – Стрелок не двигался с места.

– План, – гордо отрапортовал Воевода, стоя с противоположной стороны отредактированной поляны.

– План чего?

– Нашего острова. Осталось только зимовье поставить, и будет один в один.

Незаметно появившийся Волшебник оценивающе осматривал дела рук Воеводы:

– Довольно точно, – заметил он, – и как долго вы этим занимаетесь?

– Я этим не занимался, – тут же попытался отвертеться Стрелок.

– А зря. Хотя, можно ведь было и при помощи чар создать подобную картину...

– Ну, я всего полдня потратил, – потупился Воевода, – и еще не все закончил. Только местность успел накидать. Теперь самое сложное. Надо прикинуть, что где разместить. Потом определиться, в какой последовательности строить...

– После такой тщательной подготовки, чар потребуется совсем немного. И, кстати, будет гораздо проще найти подходящие места для всех зданий.

– А много у нас этих зданий?

– Много, – из зимовья показался Казначей, – я тут как раз примерный список накидал.

Наутро Воевода отправился в столицу. Казначей решили не пускать. Да он и не особо стремился. Он только снабдил Воеводу письмами и объяснил, где найти адресатов. Конверты были запечатаны сургучом с личной печатью Казначая.

– Этого будет достаточно, чтобы они прочли и согласились, – заверил он.

Когда посланник удалился по тропинке, петляющей между чахлыми деревцами Непроходимого болота, оставшиеся двое бывших лучших и один государственный преступник приступили к планированию. Они встали рядом у границы уменьшенной копии острова, созданной накануне Воеводой. Причем Казначей, как бы невзначай, снова оказался посередине.

Волшебник сделал несколько легких движений, и на одном из бугорков появилось их зимовье.

– Теперь план полностью соответствует действительности, – констатировал он.

Все трое задумчиво уставились на макет. Стрелок мял подбородок, Казначей скрестил руки на груди и чуть наклонил голову, Волшебник слегка сгорбился, опираясь на посох.

– Приступим?

С молчаливого согласия остальных Волшебник приподнял посох и повел его нижним концом, словно выписывая в воздухе замысловатые знаки. Собственно, этим он и был занят. Совсем не обязательно читать заклинание – при некотором умении достаточно его просто написать. Или изобразить, что пишешь. А при богатом опыте – представить. В последний момент посох замер в воздухе, словно его владелец задумался, стоит ли поставить точку. На самом деле Волшебник об этом и размышлял. На всякий случай он провел открытой ладонью по воздуху, как по запотевшему стеклу. Словно стремясь рассмотреть результат только что сотворенного заклинания. В действительности так оно и было. Не удовлетворившись достигнутым, он протер воздух и перед стоящими справа Казначеем и Стрелком.

– Ого! – удивился Стрелок.

– Так гораздо нагляднее, чем у Воеводы, – согласился Казначей, – и продукты переводить не надо.

Его воображение уже рисовало жуткую картину: Воевода, вооруженный вместительными корзинами, превращает все их припасы в план боя. Вот головка сыра, изображающая центральный терем. Вон колбасы, обозначающие башни учебного полигона. Там мешки с мукой и крупами стали укреплениями. Тут бочки с соленьями в качестве складов. Здесь кузня из копченого окорока, не так давно бывшего простым скалистым выступом над речкой Вонючкой. То есть уже над рекой Смердящей. А Воевода все носится от погребка к макету и обратно, превращая все новые и новые продукты в строения.

– Зато, какой талант! Какое видение! – прервал его фантазии Стрелок.

– На то он и лучший, хоть и бывший. А дома потом можно будет двигать?

– Да. Об этом я подумал. И думаю, все ли я учел.

– Чего-то не хватает, – согласился Казначей.

– Может, потом добавим?

– Потом сложно будет добавлять новые элементы в уже завершённое заклинание.

– Можно будет сыр использовать. Или окорок, – засмеялся Казначей.

– Чего это он?

– А ты вчера не обратил внимание на наш стол?

– Странно вы вчера обедали, – согласился Стрелок.

– Это не обед был. Это была битва при Смердящей!

– А! Так вот, почему здесь везде укроп!

Тут уж засмеялись все. Да так задорно, что сгибающийся от хохота Волшебник ударил посохом. Заклинание обрело окончательную форму. На панораме острова, выполненной накануне Воеводой, возникло множество миниатюрных строений.

– Все-таки, придется использовать сыр, – вздохнул Казначей.

На следующий вечер вернулся Воевода. Вместе с ним пришла бригада Фомы-плотника. И Емельян-печник, гений печного строительства. Высшим его достижением была самоходная печь. Она, правда, оказалась слишком тяжела, и передвигаться могла исключительно запряженная парой лошадей. Но и в таком виде на ярмарках имела оглушительный успех – где ты еще сможешь получить пирожок только что из печи!

Стрелок под суровым пристальным взглядом Воеводы сразу же отправился обустривать вновь прибывших. Волшебник тоже куда-то исчез. Воевода вплотную придвинулся к Казначее и навис над ним, словно окорок над речкой Вонючкой:

– Сколько ты им предложил?!

– Нисколько!

– То есть как это? Они сразу же бросили все заказы и стали собираться! Что ты им предложил?!

– Славу.

– Которой у нас нет?!

– Которая у нас уже есть. И, особенно, которая будет!

Настоящий профессионал очень высоко ценит свое мастерство. Он возьмется только за интересный заказ. И чем сложнее работа, тем она интереснее! А за самую интересную работу, приносящую истинное наслаждение, мастер затребует астрономическую сумму. Или сделает бесплатно. Казначей это отлично знал.

И еще он знал то, чего не знал Воевода. В казне их будущего предприятия сейчас было всего две монетки. Когда Мастер поинтересовался у государственного преступника, сколько ему потребуется денег, тот закатил глаза к потолку. Тогда Мастер уточнил: сколько потребуется денег, чтобы они размножились. На этот вопрос Казначей быстро ответил, что для чистоты эксперимента, он бы попытался размножить две монетки. Потому что одной монетке станет грустно и одиноко, и она решит отправиться на поиски приключений. А вдвоем они будут позвякивать друг об друга, им станет весело, глядишь – и размножатся.

– Кто это сделал?! – бушевал Воевода, – нет! Я спрашиваю, кто это сделал?!

С раскрасневшимся от гнева лицом он бегал вокруг макета и потрясал огромными кулаками. На его крики сбежались все. Плотники и Емельян из интереса, бывшие лучшие и государственный преступник – чтобы успокоить.

– Это сделал я, – шагнул вперед Волшебник, – если ты о невидимой стене...

– За это тебе спасибо. Не затопчут, значит. Но остальное?!

– И остальное тоже. Чар совсем немного потребовалось – ты сделал основную часть работы великолепно!

– Но я хотел сам! – обиделся Воевода.

Казначей взглядом указал на стол. Воевода хлопнул себя по лбу:

– Ну да! План битвы при Смердящей разрабатывался именно так! Я просто использовал то, что было под рукой. Для битвы за Черную Дыру я, например, использовал камни, а в Трех Соснах – веточки.

– А здесь ты чем собирался пользоваться? – поинтересовался Казначей, – до укропа же добрался.

– Зелень оказалась очень наглядной для обозначения деревьев.

– Так и мои дома тоже весьма наглядны.

– И ты уже решил без меня, где что стоит, – недовольно добавил Воевода.

– Если честно, еще не успел. Но их можно легко двигать.

– Как, если к плану теперь не подойти?!

Волшебник молча поднял посох и нацелил его на один из домов на полигоне. Потом сделал легкое движение, словно подсекал удочкой рыбу, и повел концом посоха в сторону. Дотащив строение до соседнего холмика, Волшебник опустил конец посоха и как бы выдернул из невидимой петли.

– А мне нравится! – настроение Воеводы поднималось прямо на глазах, – а мне так можно?

– У тебя не получится. Но, полагаю, ты бы не стал принимать окончательное решение, не посоветовавшись с остальными.

Тут Казначей поднялся на цыпочки и что-то тихо сказал Воеводе. Тот кивнул:

– И я бы обязательно учел мнение опытных строителей.

Фома посмотрел на Казначея и едва заметно улыбнулся.

Через два дня Волшебник начал жалеть, что применил чары для создания макета. Домики на макете были невесомы. Ясневый посох, в отличие от них, весил прилично, а держать его приходилось за конец.

Волшебник вместе с Воеводой и Фомой все еще продолжали переставлять домики, выбирая для каждого самое подходящее место. Стрелок также пропадал где-то в болоте, не забывая снабжать строителей свежей дичью. Казначей большую часть времени проводил за своими бумагами, что-то записывая, зачеркивая, исправляя, высчитывая. И еще он писал все новые и новые письма. Вечером он подошел к Воеводе и вручил ему новую пачку конвертов:

– Эти письма завтра необходимо отправить с королевскими курьерами.

– Так много? – удивился Воевода.

– Так мало. Не думаю, что Мастер стал бы ограничиваться одним героем. В будущем нам пригодятся знания и опыт многих профессионалов. Просто пока я не очень представляю, кого следует пригласить, а к кому проще отправить будущего героя на обучение с сопроводительным письмом.

– А так можно?

– Так нужно. Хороший ученик обязан переплюнуть учителя. А хороший учитель в свою очередь должен ученику это позволить. И, более того, должен способствовать этому!

– А как же слава?

– А это и есть слава истинного наставника!

Только через неделю после прибытия, Фома, наконец, удовлетворился расположением будущих построек. За это время Волшебник успел накачать мышцы рук и переругаться со всеми. Кроме Казначей, с которым он встречался только за столом, да раз-другой вечером после ужина перекинулся парой слов.

– Нравится, – коротко констатировал Фома, трижды обойдя вокруг макета будущего предприятия по производству героев. По многу раз он замирал, присматриваясь к одному ему заметным мелочам, кивал, хмурился, улыбался. За этот день Волшебнику пришлось всего дважды поднимать посох. И то, чтобы чуть развернуть центральный терем да немного передвинуть отхожее место.

– Да. Так и оставим. Завтра приступаем к строительству.

Волшебник облегченно вздохнул. И мысленно пообещал не братья за посох ближайшие пару дней. Тут же вспомнил, что посох – одна из немногих обязательных принадлежностей чародея. Придется-таки хотя бы носить его с собой. Но не более!

Воевода, уже на третий день утративший пыл проектировщика, радостно кивнул и поспешно удалился. Он зашел к Казначее и, краснея и запинаясь, попросил:

– Извини, что отвлекаю. Не мог бы ты... обучить меня... грамоте?

Выпалив последнее слово, бывший лучший замер в нерешительности, готовый тут же ретироваться. Однако Казначей сразу же оторвался от своих бумаг и серьезно посмотрел на него:

– Ты готов?

– Д-да...

– Тогда прямо сейчас и приступим. Садись рядом.

Через час вспотевший и взъерошенный Воевода по буквам читал первое слово.

– Ух! – выдохнул он, – как тяжело!

– Детям в школе не легче, поверь. Но ничего, ты быстро учишься. В следующий раз, когда будешь в городе, сходи к Кириллу-книжнику. Попроси у него азбуку и арифметику.

– Он же смеяться станет!

– А ты скажи, что детям...

– Нет у меня детей, – опечалился Воевода, – всем это известно.
– Так не обязательно своим! Скажи, дружинным.
– Я ж бывший!
– Ах, да, – задумался Казначей, – тогда я напишу еще одно письмо. Нет-нет! Никто не узнает, – опередил он Воеводу.

А ведь будущему герою это тоже может пригодиться. Кто знает, из каких краев приведет его Мастер!

Пора, пожалуй, о Воеводе узнать побольше.

В пять лет он остался круглым сиротой. Тому предшествовали чума, саранча, засуха и налоги. Правда, все они случились в других краях. Но беженцев и разбойников от этого прибавилось как раз там, где родился будущий гений тактики. Когда очередная ватага разбойников вышла из леса и не обнаружила в деревне ничего, стоящего их внимания, атаман так разгневался, что велел спалить селение ко всем чертям. Что остальные бандиты радостно выполнили.

Подошедшая на следующий день дружина обнаружила лишь почерневшие печи да будущего Воеводу, укрывшегося на дереве в лесу. Долгое время мальчик ничего не говорил, но дружинный лекарь заверил, что это нормально, пройдет со временем. Так Воевода стал дружинным ребенком, а позже отроком.

Подобных ему сирот нередко находили на освобожденных землях. Обычно их пристраивали к несению военной службы – благо и настрой подходящий, и деваться-то особо некуда. В столице для дружинных детей была даже отдельная казарма. Обучением занимались ветераны-дружинники. Этим тоже деваться было уже некуда.

В первый же год молчаливый мальчишка показал себя не только талантливым бойцом, но и изобретательным командиром. К одиннадцати годам Воевода был уже десятником, в тринадцать – сотником. Это звание было скорее номинальным, поскольку всего детей дружины насчитывалось на тот момент двадцать семь.

В четырнадцать Воевода вступил в королевскую дружину. И очень скоро вновь стал десятником. А потом и сотником. Он первым стал выводить свои подразделения в поле для тренировок, стараясь максимально приблизить условия к боевым. Позже он даже предложил устраивать дружинные состязания, апогеем которых становилась битва двух лучших сотен. Благодаря содействию Казначей, тогда еще не ставшего государственным преступником, эта затея удалась. И приносила пользу дружине и деньги государству четыре года. До очередного нашествия восточных кочевников.

Вот тут-то и появилась возможность полностью раскрыться таланту Воеводы. Орды всадников приходили с востока регулярно – примерно раз в двадцать лет. Каждый раз у них был новый предводитель, и угадать его план было непросто. Бывало, королевство просто откупалось данью до следующего визита кочевых племен. Бывало, дружина давала уверенный отпор, и незваные гости отправлялись восвояси, не солоно хлебавши. Бывало и наоборот.

На этот раз орду вел хан Актаныш. И орду он вел немалую! Степану, возглавлявшему тогда королевскую дружину, кое-что об Актаныше было известно. В частности, что новый хан никогда не отступает, что откупиться от него невозможно – он сам все берет, что на любую хитрость противника у Актаныша найдется ответная выдумка. Ну и еще много всяких мелочей: про жен, про единственного сына-наследника, про жесткую дисциплину в семье и в армии. В общем, Степан знал достаточно, чтоб не строить иллюзий, но искать способ одолеть непобедимую и неуничтожимую орду.

Молодой сотник уже тогда принимал активное участие в разработке планов сражения. Будучи еще дружинным отроком, он любил карты – громадные листы бумаги с разноцветными пятнами: лесами, горами, болотами и озерами. Особенно ему нравилось наблюдать, как взрослые мужики расставляют на карте игрушечных солдатиков: копейщиков, мечников, луч-

ников, конницу, пушки. А потом взрослые мужики начинали играть в войну. Игра эта покорила сердце Воеводы навсегда.

Позже, когда Воевода стал не только лучшим, но уже и бывшим, Мастер навестил его и преподнес шахматы – увлекательную стратегию с жесткими правилами. Новая игра заинтересовала Воеводу ненадолго: слишком мало оставалось в ней места для импровизации.

Но вернемся в штаб, где будущий бывший лучший Воевода участвует в разработке плана уникального сражения. К тому времени молодой сотник уже вывел для себя несколько правил. Лучшая битва – та, что не состоялась. Идеальная победа – без потерь.

Степан успешно использовал гордость Актаныша. Он вывел дружину на бой, но в последний момент велел трубить отступление. Бегущий противник для орды оказался лучшей приманкой. И вот уже позади степи и поля восточных окраин, а впереди глухие лесные чащи. Для решающей битвы Степан заранее определил широкий прогал неподалеку от деревни Три Сосны. Небольшая дружина легче перемещалась по узким извилистым лесным дорогам. И, в отличие от кочевников, многим эти места были хорошо знакомы.

Именно здесь будущий Воевода предложил нынешнему разделить орду и заблудить в чащах вокруг Трех Сосен. Обширная сеть дорог и троп между небольшими поселениями лесорубов и охотников навела его на эту мысль. Заодно появилась возможность усилить королевскую дружину крепким ополчением. Хорошее знание местности – только в плюс пополнению!

Неожиданно для Актаныша растянувшаяся по тракту орда раздробилась на множество отрядов. Эти отряды безуспешно гонялись по округе за дружинниками Степана, пытаясь вызвать на неравный бой. Некоторые возвращались ни с чем. Некоторые не возвращались, заблудившись или попав в засаду или умело устроенную охотниками ловушку. Некоторые вступали в бой. Неравный. Но уже на условиях дружинников и ополченцев.

К Трем Соснам орда Актаныша вышла сильно поредевшая. Долго их кружили разрозненные отряды дружинников и переодетых дружинниками охотников-следопытов, знающих все местные тропинки. Устали кочевники, осунулись, оголодали. Совсем соскучились по вольной степи и по разгульной битве. Роптать начали. Если б не строгая дисциплина, победа уже была бы за королевской дружиной.

И все бы ничего, но, когда главный отряд дружинников – три лучшие сотни во главе с воеводой Степаном – только вышли к Трем Соснам, случилось ужасное. Выяснилось, что пропал важнейший сундук! Сундук с картами и игрушечными солдатиками! Без него, вернее без его содержимого, никто из командиров не мог спланировать предстоящую битву. Казалось, все напрасно.

Именно тогда будущий Воевода впервые симпровизировал. Он, ни с кем не посоветовавшись, сам разыскал знатоков местности. С их помощью всего за два дня была создана не просто карта, а рельефная копия местности вокруг Трех Сосен аж на три дня пути! С чащами, болотами, дорогами и поселениями. Даже зимовья были обозначены!

А дальше были приглашены воевода и остальные сотники – разрабатывать непосредственно план предстоящей битвы.

– Но нам нечем обозначить войска, – заикнулся кто-то из командиров.

– Вот, – Воевода протянул корзину с прутиками и веточками: сосновыми, березовыми, еловыми, ивовыми. Нашлось даже несколько дубовых и кленовых.

– Э-э-э...

– Все просто! Дубовыми обозначим тяжелую пехоту. Сосновыми – копейщиков. Ива будет конницей. Ель – лучники. Береза – ополчение. Клен – командование.

– Ух ты! Надо будет запомнить!

– А лучше – записать!

И все равно многие путались. Под конец дня над планом боя остались трудиться только Степан, будущий бывший лучший и еще один сотник. Этот остался больше из принципа и интереса. Ему все равно было мало что понятно без привычных фигурок солдатиков. Степану тоже было непривычно и трудно, но воеводе не пристало отступать перед такими сложностями!

Так впервые сотник разыгрывал предстоящую битву. Один на один с воеводой. Один играл за наших, другой – за врагов. Они менялись ролями, добавляли и убрали различные войска, изобретали новые приемы, хитрости.

– Как думаешь, хан станет сам сражаться?

– Вряд ли. Не дело командира лезть в самую гущу. Он должен управлять боем, видя всю картину целиком.

– Как мы сейчас?

– Как мы сейчас.

– Тогда он расположит свою ставку на холме. Вот здесь. А недалеко лес. Сколько потребуется опытных охотников, чтобы поймать дичь по имени Актаныш?

– Предлагаешь обезглавить войско! Хороший план. Только хан очень осторожен. Из леса его не взять.

– Знаешь, как фокусник достает кролика из цилиндра? Он достает его из-под цилиндра. В шляпе ничего нет. Есть стол, на котором шляпа стоит. Нам нужно подготовить стол.

– То есть посадить кроликов под холм! В смысле охотников.

– Да! И у нас есть время сделать это незаметно! Осталось только заставить фокусника поставить шляпу на нужный стол!

Победа была оглушительная. Без четкого руководства кочевники были быстро разделены и окружены. Хан Актаныш оказался в столичном остроге, откуда вскоре был отпущен на родину. По совету Мастера. Степан вскоре сложил с себя полномочия воеводы и просил назначить после себя Воеводу. Мастер на таком решении настоял.

И еще долго выходили из чащи к селениям отряды кочевников. Их не гнали. Большинство из них оказались отличными пастухами и охотниками. Некоторым понравилось растить хлеб и овощи. Кое-кто неплохо обращался с кожей или с металлом. Были и такие, кто пошел в дружину. И их принимали!

У Воеводы же началась череда ослепительных побед. В основном это были сражения на своей земле. Королевская дружина защищала границы государства от посягательств соседей. И время от времени отвоевывала земли, утраченные при прошлых королях.

Вскоре слава Воеводы разнеслась далеко за пределы королевства. Некоторые сражения даже не состоялись как таковые. Воевода просто предлагал командованию противника встретиться на нейтральной территории и поиграть в войну. На карте. А еще лучше – на макете. Редко кто после такой демонстрации тактического гения решался на реальную битву – Воевода всегда побеждал.

Он был лучшим! И это знали все. Даже кочевники с востока не пытались соваться в королевство, пока дружиной командовал Воевода.

Однако король, видя ратные успехи дружины и возвращение давно утраченных земель, возжелал присоединить к королевству новые. Воевода пытался отсоветовать. Да куда безродному Воеводе с королем спорить! А Мастера рядом вовремя не оказалось.

– Воин отлично сражается на родной земле! Она ему помогает, держит крепко, упасть не дает! А чужая земля нас не примет. Последний раз говорю, не поведу я дружину на такую войну. Прощу отставки.

– Не дам! Ты – лучший! Ты обязан служить государству!

– Государству! – поднял палец Воевода, – я и служу государству. А не королю, решившему совершить глупость!

– Что значит глупость?!

– Дружина наша хороша для обороны. Нас не так много, чтобы атаковать, зато мы хорошо обучены и организованы. Большого казна не позволяет. Да и не надо больше! Меньше тоже нельзя.

– Казна позволяет увеличить армию втрое!

– И кто такую армию прокормит? Спросите у Казначей, он все посчитает прямо на глазах!

– Большая армия нужна только на время войны...

– После победы территория государства увеличится, а людей станет меньше. Нападающая сторона всегда несет большие потери! Кто же потом будет защищать королевство? Старики да женщины с детьми?!

– Ну, мы же будем захватывать в разумных пределах.

– Разумных пределов не существует. Начав воевать, необходимо идти до полной победы! Иначе соседи поймут, что ты недостаточно силен. А значит, не можешь удержать увеличившееся королевство. От лишнего нас очень быстро избавят. Уж поверьте мне, Ваше Величество.

– Не хочешь воевать – так и скажи!!!

– Не хочу, – честно признался Воевода, – лишний раз не хочу.

– Ну и проваливай! И чтоб глаза мои тебя больше не видели! И даже слышать о тебе не желаю! Глупости, видишь ли! Тоже мне, лучший! Другого найдем, лучше лучшего!

– Зря вы так, – тихо проговорил неизвестно откуда появившийся Мастер, – не найдете вы лучшего. Потому что он – лучший.

Но было уже поздно. Бывший лучший Воевода покинул дворец. Навсегда.

Узенькая, едва заметная тропинка, ведущая вглубь Непроходимого болота, пропала. На ее месте теперь была широкая гать. По гати сплошной чередой двигались повозки. Подводы с бревнами и кирпичом, с глиной и дегтем, с гвоздями, инструментами и продовольствием.

Воевода со Стрелком только-только успевали размещать всё прибывающие грузы. А Казначей – отмечать всё в своих бесконечных записях и расчетах. Только Волшебник как-то очень легко смог отстраниться от работ по строительству. Теперь он постоянно пропадал на болоте в поисках оному ему известных редчайших растений. Как и Стрелок, Волшебник старался принести что-нибудь к ужину. Дичью, правда, он баловал не столь регулярно. Зато постоянно подсыпал в готовую еду или в чай что-нибудь ароматное и вкусное.

– Это очень полезно – каждый раз пояснял он.

И это действительно было полезно. Для почек, для печени, для желудка, для глаз, для сердца и даже для головы, в смысле мозгов. Особенно хорошо мозги начинали работать в уединении. Основной мыслью уединившегося было: а стоило ли в очередной раз позволять Волшебнику подсыпать свои приправы в общий котел? Вслух эта мысль обычно звучала несколько короче: «Занято!»

Команда Фомы-плотника росла и ширилась. С каждым обозом приходили новые строители. Оказалось, у Фомы несколько самостоятельных бригад. Сам он занимается исключительно проектированием. Ну, и с заказчиками договариваться Фома предпочитает лично. Главным условием Фомы всегда было качество материала – высшее. С этим Казначей был полностью согласен. Тем более, что деньги на материалы и инструменты казна выделяла без ограничений. В отличие от оплаты труда строителей. В проекте можно было принимать участие исключительно добровольно и бескорыстно – таково было единственное требование Мастера. Трудились на славу, для славы и за славу. И за еду – обильную и вкусную.

С очередным обозом пришел кузнец. Лучший. Не бывший, настоящий. Звали его Нелюдим. Настоящее имя – Никодим – давно трансформировалось в новое, полностью соответствующее характеру гения молота и наковальни. Первым делом он отыскал Казначей.

– Если б не твоя личная печать, я бы решил, что это чья-нибудь дурацкая шутка! – Нелюдим надвинулся на Казначей. Ростом он, как и Казначей, был невысок. Только в плечах шире раза в два.

– Я знаю, кузнецы не любят шуток.

– Тогда что же это?!

Нелюдим выудил из-за пазухи конверт и протянул Казначею. Вскрыто письмо было аккуратно, сургучный оттиск печати сломан ровно пополам. Государственный преступник быстро пробежал глазами текст, освежая в памяти.

– Это приглашение.

– Это оскорбление! Я слышал, что ты оцениваешь работу всегда справедливо. Ты никогда не платишь меньше заслуженного, но и большего с тебя не получишь, сколько ни торгуйся. Уважаю. Но тут ты предлагаешь мне работать бесплатно! Мне! Бесплатно!!!

– Это не оскорбление. Это недоразумение, – успокоил Казначей, – во-первых, речь идет не о работе. Как я мог предложить художнику работать! Я могу только попросить творить. И могу постараться создать все условия, обеспечить всем необходимым, чтобы ты не испытывал ни в чем нужды.

– Творить! Ха!

– Именно! Каждое твое изделие – произведение искусства! Мне стыдно оценивать такое мастерство деньгами.

– А чем же не стыдно?

– Славой.

– Ха-ха! Ты даже кузнеца можешь развеселить! Моя слава далеко впереди меня бежит. Ты предлагаешь, чтоб она бежала еще дальше! Ха-ха!

– Прости, если насмешил...

– Спасибо, что насмешил! А то уж и не знал что делать. То ли в лицо плюнуть, то ли по лицу съездить.

– И какой вариант ты выберешь?

– Остаться и посмотреть, чем все это закончится.

– Значит, не зря я позвал Емельяна.

– Лучшего печника? Как ты сумел уговорить его?!

– Я пообещал ему печь для лучшего кузнеца.

– Ну, ты даешь!

На самом деле Казначей рассчитал все заранее. Он знал, чем заманить Емельяна. И знал, что Нелюдима не заманить ничем. Только вывести из себя до такой степени, что гордость и любопытство не позволят кузнецу-отшельнику усидеть в своем Медвежьем Углу.

Вторым делом Нелюдим отправился искать Емельяна-печника.

Сколько дней принимали первую волну стройматериалов, одному Казначею известно – он записи вел. Непроходимое болото, особенно его центр, напоминало теперь строящийся муравейник. Все свободное пространство было занято штабелями, пачками, ящиками, тюками и кучами. Места, где не лежали бревна, доски, кирпичи, гвозди, пакля, размечались под строительство – между кольшков были натянуты пестрые бечевки. Нетронутым оставался только макет, созданный Воеводой. И то, лишь благодаря Волшебнику, поставившему невидимую стену.

Тяжелее всего в эти дни приходилось Казначею. Нередко случается, что за время пути бревно от тряски упадет с воза и укатится под откос. Или кирпичи усохнут на сотню-другую от неимоверной жары. А то и гвозди вдруг заржавеют и станут короче и тоньше – от дождей ведь никто не застрахован. А уж о продуктах и говорить нечего! Тут фантазия перевозчиков

разыгрывается не на шутку. И самое обидное, что укатившееся бревно в самый раз подходило для нижнего венца избы, а усохших кирпичей недостает ровно на печную трубу!

Все это Казначей было досконально известно. Недаром он был еще и государственным преступником. И его изобретательность в этом направлении не знала границ. Более того, Казначей отлично знал, как подделываются дорожные грамоты, как подправляются буквы и цифры. Поэтому он никогда не жалел денег на курьера, с которым отправитель груза посылал копии всех документов.

Удивительно, но на этот раз все грузы были доставлены в целости и сохранности. Казначей успел соскучиться по бюрократии, ему так хотелось поскандалить, вкатить неустойку или штраф. Обложить трехэтажным матом недобросовестного возницу, опоздавшего на полдня, в конце концов! Но все было вовремя, на месте и в положенном количестве.

Когда поток грузов пошел на спад, трое бывших лучших и один государственный преступник смогли облегченно выдохнуть. Дальше работать предстояло профессионалам топора, пилы и рубанка.

А четверо будущих создателей героев смогли, наконец, устроить очередное собрание. Стрелок предложил позвать и Нелюдима, но остальные решили с этим повременить. Кузнец еще только начал обживать новое место на отшибе. Дом и кузню ему помогали ставить парни Фомы. Емельян-печник – тот вообще не вылезал из Дальнего Угла, как быстро прозвали новое жилище Нелюдима. Неожиданно для всех, Стрелок легко сошелся с кузнецом и стал частым его гостем. И все-таки, кузнеца решили пока не звать.

– Зачем нам кузнец? Нам кузнец не нужен, – выразил общую мысль Воевода.

– Смотри, чтоб Нелюдим этого не услышал! Обидится – и уйдет!

– Уйти – не уйдет, но обидится точно. А обиженный кузнец нам, правда, не нужен. Мы его обязательно позовем, когда будем обсуждать детали. Сегодня же предлагаю обсудить общую концепцию создания нашего первого героя.

– То есть? Мы же, вроде, в прошлый раз уже все придумали! Будет у нас охотник на чудищ...

– Только это мы и решили. Пора задуматься, как и к чему мы героя будем готовить. Программу обучения необходимо продумать основательно. Чтоб ничего не упустить. И чтоб лишний раз не запутать!

– Настоящий охотник должен думать, как зверь, чувствовать, как зверь. Ему необходимо побывать в звериной шкуре!

– Это можно устроить. А ты сам, Стрелок, бывал в звериной шкуре?

– Не доводилось как-то. Непосредственно, я имею в виду. А жить по-звериному меня еще дед учил!

– Теперь и ты поучишь, – Казначей сделал в своих бумагах очередную пометку, – а может, вам вместе с героем побыть зверьми? Для подстраховки, так сказать. Ну, и для личного опыта.

– Ну...

– Вот и хорошо! Одно заклинание на двоих. Затраты те же, а пользы больше.

– Про стрельбу и ловушки мы уже говорили. Про выслеживание и заманивание – тоже. В этом ты, Стрелок, лучший – тебе и карты в руки. С Воеводой мы тоже про тактику и планирование разговаривали. А еще, наверное, ты, Воевода, сможешь нашего героя научить держать в руках щит и меч?

– И не только! Я с копьём знаком и с алебардой. А еще с палицей, клевцом и утренней звездой.

– Отлично! – вовремя прервал Казначей, – я его грамоте обучу. Надо будет – и счету тоже. А дальше он и сам прочтет все необходимое. А ты, Волшебник?

– А я разве что снабдить зельями смогу. Вероятно, у него будет склонность к магии. Тогда, пожалуй, я успею обучить его азам. Десятка два заклинаний, начальный курс зельеварения, травничество, самоисцеление...

– Великолепно! Осталось уточнить сроки. Мне нужно знать, сколько времени понадобится каждому, чтобы обучить героя начальным навыкам. И сколько времени потребуется, чтобы обучит его, как следует. Минимум, чтоб первые два-три подвига не завалил. И еще. Я начал составлять список профессиональных охотников. Особенно, с узкой специализацией. Например, те же Никита-лесоруб или Морис-лошадник. Кого вспомните – называйте. К ним героя на стажировку будем отправлять.

– Нелюдим, – вставил Стрелок, – в Медвежьем Углу он, говорят, на косялапого с голыми руками ходил, борол для развлечения.

– А еще, говорят, он оружие и доспехи зачаровывает.

– А еще он в ополчении с молотом своим неразлучным стоял у Трех Сосен.

– Значит, действительно, на следующий совет кузнеца зовем, – резюмировал Казначей, – а пока составляем планы по обучению. Для начала в общих чертах. Если что, приходите советовать, – заметил он встревоженный взгляд Воеводы.

Воевода и прежде частенько заглядывал к государственному преступнику. Теперь же он советовался с Казначеем чуть ли не ежедневно. Большею частью их совещания были посвящены орфографии, синтаксису и пунктуации. В правописании Воевода тренировался, записывая под диктовку послания Казначая. Сочинение «План обучения» стало для него выпускным экзаменом. Его он писал пять раз – учителю все время что-нибудь не нравилось. Казначей хмурился, жевал губами, тер виски и чесал затылок. И требовал полностью переделать, указывая на удачные места и на стилистические ошибки. В последний раз Воевода не выдержал:

– Не выходит у меня! Не получается!

– Уже гораздо лучше! – успокаивал Казначей, – сравни с первым вариантом – сам увидишь.

– По-моему все также плохо.

– А было ужасно. Всего три грамматические ошибки. А в прошлый раз было семнадцать!

– Так и написано сейчас в два раза меньше!

– Зато почерк стал аккуратнее! А меньше – не значит хуже. Это значит, что ты учишься определять важное, четче формулировать мысли. Знаешь, сколько раз я переписываю каждое письмо? Минимум трижды!

– Так мы с тобой столько писем написали за неделю!

– Это были черновики.

– Так, выходит, я зря старался?

– Отнюдь! Твой вклад неоценим! Проговаривая, я подбирал наиболее подходящие слова для каждого адресата. Письмо важно написать таким образом, чтобы все было понятно.

– Или наоборот.

– Или наоборот. Зависит от цели. Можно в двух строчках все разъяснить, а можно исписать два листа – и не сказать ничего! Это умение, которое приходит только с опытом. Ну, и со словарным запасом. Так что, читай и пиши, переписывай и перечитывай.

– Воевать, по-моему, проще.

– А сколько раз ты разыгрываешь сражение игрушечными солдатиками, прежде, чем вести в бой дружину? Не два и не три. Представь себе, что это та же битва, только буквами и на бумаге.

– Мне и представлять не нужно. Так оно и есть. И мне никогда не победить!

– Подозреваю, тебе эту фразу приходилось слышать перед каждой битвой. И что ты отвечал?

- Всегда есть способ!
- Так же и здесь. Способ есть всегда.

К пятнице Воевода смог-таки составить план обучения, удовлетворивший Казначей. Несмотря на множество исправлений и помарок. Учитель даже поставил внизу листа пятерку. С минусом.

Свой труд продемонстрировал и Стрелок. Ему тоже пришлось дважды переписывать свой план. В последней версии Казначеем почудилось участие Воеводы.

Даже сам государственный преступник в перерывах между учетом материалов, составлением писем и советами с Воеводой делал свои наброски.

И лишь Волшебник не торопился. Он как-то отдалился от происходящего в Непроходимом болоте, замкнулся, стал молчалив и задумчив. Нередко он пропадал в трясинах и топях, говорил – собирает травы-корешки. Да только заметно было, что ему неуютно, когда вокруг столько народу, столько суеты. Пару раз он заговаривал со Стрелком, однажды наведаясь даже к Нелюдиму. И только после короткой беседы с Воеводой все-таки решился.

- Я должен уйти.
- Куда? – тут же оторвался от бумаг Казначей.
- Куда угодно.
- Зачем?
- Просто.
- Почему?!
- Я должен!
- Ну, хорошо. И как надолго?
- Не знаю я!!!

Казначей задумался. Никогда в жизни он не получал столь исчерпывающие и столь бесполезные ответы в таком количестве.

- Что ж, придется тебя отпустить. Иного выхода я не вижу.
  - Что? Вот так просто?
  - А ты как хотел?
  - Я думал...
  - А ты не думай. Должен уйти – уходи. Утонешь в болоте – не возвращайся!
  - Понимаешь, я раньше никому не говорил. Я болен. Неизлечимо.
  - Я знаю.
  - Скоро у меня начнется приступ.
  - И это я знаю.
  - И лучше никому этого не видеть. И вообще не находиться поблизости.
  - И это я тоже знаю.
  - И... Да откуда ты все знаешь?!
  - Оттуда, – Казначей указал взглядом в угол.
- В углу на сундуке сидел Мастер.

Самое время поведать о Волшебнике.

Давным-давно в далекой-далекой деревушке, на самой окраине королевства, родился мальчик с каменным сердцем. Страшный недуг! Долго с таким не живут. Впервые болезнь проявилась у мальчика в четыре года. Стало понятно, что даже до десяти лет он вряд ли дотянет.

Вот тут-то и появился Мастер. Как всегда, некстати и очень вовремя.

Некоторые старики слышали от своих дедов, а те в свою очередь – от своих, что где-то есть Умрутный город. И в этом городе есть источник, испив из которого, можно поменять

свой недуг на другой. Какой окажется новая хворь, неизвестно. Но, если есть выбор между неминуемой смертью и вероятной...

Короче, Мастер заявил, что знает дорогу в Умрутный город. И что он, Мастер, лично готов отвести мальчика к источнику. Но за последствия не ручается.

Люди простые по наивности своей путают умрутней с мертвецами. А Умрутный город, соответственно, – с Мертвятником. Разумеется, никому не охота отправляться в столь опасное поселение. Только Мастера и немногие посвященные в курсе, что в Мертвятник можно попасть единственным способом – умереть. В то время, как в Умрутный город рискуют наведываться неизлечимо больные и – крайне редко – смертельно раненые. Последние попросту обычно не в силах пережить нелегкую дорогу до волшебного источника. Одним словом, умрутни. Те, кто решается по пути в Мертвятник завернуть к источнику и испытать судьбу. Вдруг бубонная чума превратится в обычную простуду?! Или гангрена обернется склерозом?! А недоотрубленная голова неожиданно прирастет на место, зато, к примеру, отрастет хвост?! Волчий.

Путешествие оказалось на удивление долгим. Может, потому, что Волшебнику еще и пяти лет тогда не исполнилось, а может, из-за дремучих лесов, высоких гор да непролазных болот. Или оттого, что Мастер решил пойти короткой дорогой.

Нет смысла описывать ни путь будущего Волшебника с Мастером до Умрутного города, ни сам Умрутный город. Да там и описывать-то нечего: единственная улица да два десятка домов на ней.

– По левую руку живут те, кто еще не решился испить из источника, – пояснял Мастер, – живущие справа уже испытали судьбу. Некоторые из них ждут первого приступа новой болезни, чтоб узнать, на что променяли прошлую, неизлечимую. Другие уже знают, чем одарил их источник, и теперь из них никто никуда не торопится. А вот и он, – в конце пути высилась каменная глыба, а вокруг нее широкая чаша, – Фонтан Удачи, многими благословенный, многими проклятый Рандом!

Из камня били два ключа. Вода в одном была синеватая, в другом желтоватая.

– Выбирай, – предложил Мастер, указывая на волшебный источник, – единственное правило: попытка всего одна. На второй раз Фонтан Удачи гарантирует лишь удачную смерть.

– Значит, поэтому некоторые остались жить здесь?

– Значит. А может, и не поэтому. У каждого свои мысли на сей счет. Здесь не принято об этом спрашивать.

– А что, если...?

Но Мастер намеренно отвернулся, чтоб не смущать мальчика, делающего важнейший в своей коротенькой жизни выбор. Он не видел, как будущий Волшебник подставил руки под обе струи и, зачерпнув по пригоршне из обеих, смешал.

И немедленно выпил.

– Три ключа – синий, желтый и красный – открывают дверь.

Мастер вздрогнул, услышав за спиной ставший неожиданно глухим голос мальчика.

– Идем к Хорошей! – быстро сориентировался Мастер.

В Умрутном, как и в любом другом уважающем себя городе, разумеется, был волшебник. В данном случае – волшебница. Она была не плохая, не злая, не добрая – просто хорошая. Так ее в народе и прозвали.

– А кто это?

– Волшебница из Умрутного города. Ее настоящее имя – Победа. Но ей самой оно не нравится.

– Твердое.

– Она говорит то же самое, – поднял бровь мастер.

Дом Хорошей-Победы был ближайшим к источнику. Волшебница уже вышла на крыльцо – в отличие от Мастера, она все видела в окно. И она видела то, чего ни Мастер, ни мальчик не могли еще заметить.

- Желтый ключ скоро иссякнет, – вместо приветствия констатировала она.
- У мальчика биполярная монохромность.
- Теперь – да.
- Что это такое? У меня было каменное сердце...
- Сколько приступов ты пережил?
- Два. Второй – совсем недавно.
- А первый?
- Меньше года назад.
- Тогда понятно, почему вы сразу поспешили к проклятому Рандому. Мало кто переживает третий приступ каменного сердца. А четвертый не переживает никто. А с чего ты, Мастер, решил, что у мальчика монохромность?
- Он знает о ключах.
- Да что за болезнь у меня теперь?!
- Биполярная монохромность, – хором ответили Мастер и Хорошая.
- В просторечии – серь. У меня тоже монохромность, только триполярная – серь буромалиновая. Твоя биполярная, простая, серая, – добавила волшебница.
- Серая серь?
- Да, серь серая.
- И как ею болеют?
- Это болезнь волшебников. Особенных волшебников, которые владеют магией цвета...
- Но я-то не волшебник! Наш друид сказал, что во мне вообще ни капли чар нет!
- Теперь есть.

Когда первый приступ прошел, Мастер уже исчез. Волшебник очнулся, спеленатый простынями, лежащий на скамье в доме Хорошей. На лбу было что-то холодное и мокрое. Первой мыслью пришедшего в себя было: тряпка или все-таки лягушка? Громкий квак подтвердил его худшие опасения. Волшебник заворочался, пытаясь сбросить с себя непрошеную гостью, но та словно прилипла ко лбу.

На шум возни появилась волшебница:

- Тихо, тихо!
- Сними ее! Пожалуйста!
- Не могу. Это твоя лягушка, ты ее Царевной назвал.
- О, нет! Значит, это был не сон!
- А что тебе снилось?
- Все было такое зеленое! Мне стало страшно, и я побежал... нет, как бы полетел... вылетел из себя что ли...
- Такое бывает, ты покинул свое тело.
- И я летел-летел, а все было зеленое, – Волшебника начала бить мелкая дрожь.
- Все хорошо, это был приступ. Первый, самый тяжелый.
- А потом я встретил на пути девочку. Она была зеленая и некрасивая. Я сказал ей: «Я сделаю тебя царевной, самой красивой на свете!» – и превратил ее в лягушку! Почему я так сказал?! Почему я так сделал?! – он заплакал.
- Не плачь! Она станет царевной, обязательно станет! – Хорошая стала распутывать стягивающие Волшебника простыни, – кстати, ты уже третий день гостишь у меня, а мы так и не познакомились, – она попыталась улыбнуться.

– Ты – Хорошая. А я... я не знаю. Раньше у меня было каменное сердце. А теперь я волшебник.

– Волшебник – хорошее имя.

– Как Победа? – выпалил мальчик.

Выпалил и – испугался. Но волшебница сделала вид, что не заметила:

– Как Хорошая, – и еще раз попыталась улыбнуться.

Дальнейшую судьбу Волшебника легко можно проследить по приступам болезни.

15 лет. Редчайшее астрономическое явление – Зеленая Луна. Обладатели самых мощных телескопов утверждали, что на поверхности Луны можно было различить отдельные деревья-гиганты.

В действительности же Волшебник запомнил первое волшебство на всю жизнь, и в тот раз решил от греха подальше отправиться на Луну. Здесь его поразили пустота и одиночество. Никакой жизни! И, не долго думая, юноша засадил всю поверхность ночного светила деревьями. Однако познания Волшебника в биологии в то время были скудны, и он не догадался обеспечить деревья подходящей почвой, водой и воздухом. Так что зеленой Луна оставалась недолго, и это списали на атмосферные аномалии.

18 лет. После неудачного озеленения Луны Волшебник рискнул повторить опыт в пустыне. Караванчики и бедуины были сильно удивлены, вместо жарких песков разом очутившись в сосновом бору.

Этот опыт тоже сложно считать удавшимся. Климат оказался не очень подходящим для хвойных деревьев. Так что через несколько лет пустыня вернулась. Осталось только несколько новых оазисов с нехарактерной для пустынь растительностью и живностью. Которые, впрочем, отлично конкурировали с местными.

23 года. Появление Серого Круга. Ничего особенного, все на месте: деревья, трава, река, небо. Только все серого цвета. Находились смельчаки, рисквавшие войти в Круг. Ничего особенного с ними не происходило. Однако наблюдавшие за ними снаружи Круга замечали, как, пересекая границу, смельчак терял все цвета, становясь серым. Выйдя из Круга, человек опять приобретал цвета. Река, звери, птицы, попадая в странную зону, также становились бесцветными внутри и вновь окрашивались снаружи. Убедившись в полной безопасности и бесполезности новой аномалии, люди быстро забыли про нее. Помнят только некоторые ученые, да проводники, готовые удивить путешественника за небольшую дополнительную плату.

Это Волшебник, поднатюп в магии цветов, рискнул вышибить клин клином. Он не учел, что зеленым воспринимает все только он, и не внес в заклинание конкретного цвета. Хотя, неизвестно, что получилось бы, попытайся он исключить только зеленый.

33 года. Кризис Золотых Яиц. Пестрые курицы по всей стране начали стихийно нестись золотыми яйцами. Яйца не бились. Попытки распилить также не увенчались успехом. Переплавке яйца тоже не поддавались. При этом по весу соответствовали золоту высшей пробы. Спрос на пестрых кур резко вырос, а курс золота стал катастрофически падать.

Молодой Казначей, в то время только начавший управлять финансами королевства, безуспешно пытался спасти национальную валюту от дефолта. Он создал уникальный банк, в который вкладывались исключительно яйца. Исключительно золотые. Под небольшой процент, зато выплачиваемый обыкновенным золотом, не яичным. Появление большого количества мошенников – как «куриных», так и «яичных» – Казначей предвидел заранее. Так что на кризис они никак не повлияли.

А в скором времени все устаканилось само собой. Куры стали нестись обычными яйцами, золото вернуло себе устойчивый курс, погода тоже наладилась. Многие в то время хорошо наварились, удачно пристроив своих Пеструшек и Ряб. Еще больше народу погорело на золо-

тых яйцах. Только некий мавр Одди, обманувший больше половины населения королевства, сумел скрыться за границей с двумя большими мешками золота и корзиной золотых яиц.

Яичный банк не разорился только потому, что он был детищем Казначей. Как только поступление золотых яиц прекратилось – а серебряных или бронзовых не предвиделось – их цена упала. Они стали никому не нужны. Зато их ценность в глазах определенного круга ювелиров резко возросла.

На самом деле причиной всей этой неразберихи был отнюдь не приступ у Волшебника. Случайным образом приступ его зеленой сери и буромалиновой сери Хорошей совпали. А результатом действий Волшебника стали крупные залежи изумруда и малахита в далеких Серых горах, где золота, как известно, нет.

47 лет. Исчезновение пепельных драконов, как вида. Драконологи утверждают, что популяция серых или пепельных драконов была вытеснена более совершенным и приспособленным видом – зелеными или изумрудными драконами. Драконоборцы возражают, что зеленые драконы лучше бы маскировались в лесах, а в горах они слишком заметны. Но при этом драконы изумрудные по повадкам практически не отличаются от пепельных.

Вывод: маловероятно, что это ранее неизвестный вид лесных драконов, вытеснивший горных драконов с их исконной территории. Скорее всего, это необычная мутация целого вида. И новый вид наверняка начнет приспособливаться к новым условиям и обживать новые, более подходящие для него территории – леса и болота. А в горах скоро вновь появятся пепельные драконы.

Пока же новый вид приспособливается, он взят под опеку специального комитета, созданного драконологами и драконоборцами.

Вскоре Серые горы опустели – не осталось ни одного гнездовья пепельных драконов. Зато теперь здесь поселились тролли – свято место пусто не бывает.

Это была очередная попытка вышибить клин клином.

И вот приближался новый приступ. Волшебник давно научился чувствовать приступ заранее и старался на время приступа исчезнуть, скрыться в глуши, где он никому не сможет случайно навредить. Лягушка Царевна до сих пор дожидалась своего царевича. Или королевича. Или принца – тут уж как повезет.

А Мастер дождался Волшебника в компании Казначей. И, в отличие от лягушки, дождался. Обычно приглашенный и степенный Волшебник нынче был всклокочен и возбужден. Он стремительно шагнул внутрь зимовья, одновременно пригибаясь, спасая лоб от неминуемого столкновения с низкой притолокой.

– Я должен уйти.

– Куда? – тут же оторвался от бумаг Казначей.

– Куда угодно.

– Зачем?

– Просто.

– Почему?!

– Я должен!

– Ну, хорошо. И как надолго?

– Не знаю я!!!

Пока ждали Волшебника, Мастер успел вкратце поведать его историю Казначей. И как раз собирался рассказать, как Волшебник стал лучшим и почему оказался бывшим. Сейчас же он сидел и наслаждался их странным диалогом.

– Что ж, придется тебя отпустить. Иного выхода я не вижу – помедлив, проговорил Казначей.

– Что? Вот так просто?

- А ты как хотел?
  - Я думал...
  - А ты не думай. Должен уйти – уходи. Утонешь в болоте – не возвращайся!
  - Понимаешь, я раньше никому не говорил. Я болен. Неизлечимо.
  - Я знаю.
  - Скоро у меня начнется приступ.
  - И это я знаю.
  - И лучше никому этого не видеть. И вообще не находиться поблизости.
  - И это я тоже знаю.
  - И... Да откуда ты все знаешь?!
  - Оттуда, – Казначей указал взглядом в угол.
- Только тут Волшебник обратил внимание на притаившегося Мастера.

- Здравствуй, Волшебник! – Мастер поднялся навстречу
- Тебе бы так здоровствовать!
- Я тут ни при чем, – развел руками гость, – зато я принес тебе подарок. Может, это сможет облегчить твои приступы.

– Да что их облегчать! Лучше бы обезопасить окружающих! А то каждый раз, как приближается, приходится прятаться и вылетать в астрал так, чтобы никому не навредить. И то не очень-то получается!

– А ты все-таки попробуй, – Мастер выудил из-за пазухи небольшой сверток и протянул Волшебнику.

Тот осторожно принял подарок и недоверчиво посмотрел на Мастера. Потом перевел взгляд на Казначея и медленно покачал головой:

- Не нравится мне все это.

Но сверток все же распаковал. Внутри оказались очки. Да не простые! Они были из странного темного, почти непрозрачного материала. И плоские.

- Попробуй, примерь! – подбодрил Мастер.

Волшебник осторожно отогнул дужки и, держа кончиками пальцев, опасливо водрузил прибор на нос.

- Нажми справа.

- Ого! Что это?!

- Очки.

- Что это за магия?!

– Эта магия называется наука. Из очень далекой страны. Я бы сказал даже, из другого мира.

- Не объясняй, все равно не пойму. Главное, чтоб работало!

- Вот тут ничего гарантировать, увы, не могу.

- Надеюсь, хуже от этого не станет.

- Я тоже.

- А можно мне тоже посмотреть?

Лишь теперь оба вспомнили про Казначея. Тот успел выбраться из-за своего стола и стоял, придвинувшись вплотную. Волшебник и Мастер одновременно посмотрели на него, потом синхронно уставились друг на друга. Оба сомневались.

- А можно, – в конце концов, махнул рукой Мастер.

И Казначей также осторожно примерил необычные очки.

- Ого! – согласился он с Волшебником.

– Слу-ушай! – неохотно возвращая очки, протянул Казначей – я вот сейчас подумал... А может тебе наколдовать с десятков чудищ? Прямо здесь, на болоте? Чтоб героя проще обучать было, на живом примере, так сказать?

– Плохая идея! Плохая!

– А я бы попробовал.

– Эфемерные создания недолговечны. Реальные – опасны и требуют огромных усилий при создании.

– А задумка была красивая...

– Задумка была плохая! И вообще, задержался я с вами тут. В любой момент начаться может!

Волшебник засуетился, спешно нацепил очки и развернулся к выходу. Два широких шага и – один гулкий удар. Лоб Волшебника все-таки повстречался с притолокой. Раздавшийся затем грохот падающего тела ознаменовал начало очередного приступа сери серой. Точнее, зеленой.

Стрелок сидел в засаде. Небольшое озерцо в глубине Непроходимо болота он обнаружил во время своей первой вылазки и облюбывал его для охоты на уток. Утки облюбывали это озерцо задолго до Стрелка и никуда отсюда улетать не собирались. Во всяком случае, до зимних холодов. Живность на болоте была непуганая, чем Стрелок и пользовался. Но не злоупотреблял. Проводя разведку охотничьих угодий, а заодно и будущей площадки для обучения героя, Стрелок обнаружил и нанес на карту несколько похожих озер в разных концах болота.

Но это озерцо он полюбил особенно. Оно было круглое, с прозрачной водой и густыми зарослями травы и кустарника по берегам. И всего полдня пути. А главное – уток здесь было множество!

В засидку Стрелок устроился с вечера. Он собирался настролять с утра пораньше дичи и вернуться до заката. Сейчас утки пробуждались и выплывали завтракать. Они держались поближе к берегу. Обычно охотники используют собак, чтобы те приносили подстреленных зверей и птиц. Стрелок собак не любил. Он привязывал к стреле тонкий шнур, за который потом вытягивал уток на берег.

В то утро утки были чем-то обеспокоены. Птицы неохотно выплывали из зарослей, опасливо жались к кустам. Почему-то им не хотелось на открытую воду. Стрелок кожей ощущал царящее напряжение. Что-то было не так.

Охотник всматривался в водную гладь – утки неспроста держатся подальше от середины озера. Но ничего необычного разглядеть не мог. Разве что подтопленное бревно, медленно дрейфующее от берега к берегу.

Странное, надо сказать, бревно. Судя по плавучести, скорее всего, ель. Судя по длине и чуть торчащему над поверхностью комлю, лет ста пятидесяти, если не двухсот. Судя по отсутствию веток, вообще не дерево. Да и неоткуда взяться здесь, на болоте, такой старой ели!

Точно! Вот бревно чуть изменило направление движения – прямо к уткам у ближнего берега. Стрелок напрягся. Но уходить без добычи было обидно. Пальцы правой руки наложили стрелу на тетиву. Оттянули тетиву к уху. Наметанный глаз выбрал цель.

Стрела ушла. Стрела пронзила селезня. Селезень встрепенулся и опал. Окружающие его утки мгновенно встали на крыло – напряжение лопнуло разлетающейся в разные стороны стаей.

Стрелок начал осторожно подтягивать к себе добычу. И тут бревно неожиданно резво оказалось рядом с подстреленным селезнем. Оно раскрыло длинную пасть и – селезня как не бывало! Только бечевка в руке охотника натянулась и лопнула. Бревно погрузилось под воду и исчезло из виду.

– А-а-а! Крокодил в болоте! – взвизгнул Стрелок, врываясь на стройку.

Шум на мгновение стих. Плотники провожали взглядом несущегося к зимовью охотника.

– Крокодил! В болоте!

Стук топоров, жужжание пил и треск рубанков возобновились.

– Крокодил! – выдохнул Стрелок, ворвавшись к Казначею.

– Ты уверен? – поднялся навстречу Мастер.

– Уверен.

– Рассказывай!

– Сиж у у озера, уток караулю. Тут смотрю – бревно плывет. Ме-едленно так. А само большое! И подтоплено, только самый краешек над водой торчит. Ну, думаю, ель старая. Да только откуда здесь такой ели взяться?! Шагов десять в длину и в обхвате – во! – Стрелок развел руки так, что кончики пальцев едва касались друг друга, – а потом смотрю, не бревно это! Бревно само не подплывает к только что подстреленной утке! И не ест ее! А пасть-то какая! – Стрелок развел вытянутые руки и резко свел их, изображая клацающие челюсти, – точно говорю, крокодил это!

– По описанию похож. Да только откуда в нашем болоте крокодилу взяться?!

– А цвета он какого?

– Зеленого!

– Волшебник! – хором воскликнули Казначей и Мастер и бросились к топчану. Обычно на нем спал Казначей, но из-за неожиданно начавшегося приступа сейчас жесткое ложе занимал возможный виновник происшествия. Стрелок в недоумении остался стоять посреди избы. Остальные склонились над виновником. Виновник не обращал на них никакого внимания. Он вообще не подавал заметных признаков жизни.

– Не сработало, – вздохнул Мастер.

– Или наоборот, сработало.

– Или наоборот.

– Что сработало?!

– Чудища.

– Какие чудища?!

– Для обучения и тренировки. Крокодил, например.

– Значит, могут быть и другие?!

– Скорее всего. Или уже есть, или появятся в ближайшее время.

– Та-ак, – протянул Стрелок, – значит, надо ждать нашествия чудищ.

– Лучше подготовиться, – кивнул Мастер, – Казначей рассказал мне в общих чертах о вашем будущем герое. Но я не думал, что вы решите сделать его столь обстоятельно! А теперь...

– А теперь его точно придется создать! Иначе все предприятие, не успев заработать, может оказаться заполненным чудищами вместо героев.

– Чудищами тоже можно торговать.

– Только слава от них не та. Выходит, материал вам потребуется раньше, чем я собирался его предоставить.

– Да мы и сами не ожидали!

– Ладно. Тогда я пошел.

– Куда?!

– За героем.

И – о Стрелке.

Родом Стрелок был из лесистой провинции Шер далекого островного королевства где-то на западе. Чем он там занимался и почему покинул родные края, история умалчивает. Ходят

слухи, что, как и многие другие обитатели провинции, он занимался охотой. Точнее, по местным законам, браконьерством. Вот только поймать его никак не могли. Другие источники утверждают, что Стрелок промышлял разбоем. Возглавляя самую известную в Шере банду, он грабил всех проезжающих через лес.

Кое-кто приписывает Стрелку благородное происхождение и честолюбивые помыслы во времена смуты, когда за власть боролись два претендента на трон. И его хорошо обученный и вооруженный отряд партизан сыграл важную роль в решающем сражении. Победитель якобы обещал Стрелку в жены принцессу, полцарства и все такое. А потом, получив корону и все, к ней прилагающееся, отказался породниться с подозрительным типом. Тогда Стрелок выкрал обещанную принцессу и венчался с ней на материке, в соседнем государстве.

Однако, опасаясь недовольства нового монарха, Стрелок увел молодую жену вглубь материка. Перейдя несколько границ (по слухам, нелегально), чета обосновалась здесь, на окраине королевства, недалеко от таможни. Наискосок направо и немного в лес.

На том и кончилась сказка. А вот теперь начинается чистая правда.

Охотником Стрелок действительно был. Причем, охотником талантливым. Зверя в округе водилось предостаточно, и при должном умении охота могла не только прокормить новых обитателей небольшой избушки на отшибе. Острый глаз и твердая рука быстро снискали славу Стрелку. Его трофеи ценились. Неповрежденные шкуры вообще ценятся высоко, а Стрелок бил белку в глаз с двадцати шагов. Да и оленина, лосятина, кабарина и дичь были не только на столе.

Хозяйство крепло, дом рос. Только вот детей Стрелку бог не дал. Обращался он к волшебникам-чародеям, врачам-лекарям, бабкам-повитухам, но никто из них помочь не сумел.

Был, правда, один кудесник. Посоветовал слепить из теста человечка и запечь до румяной корочки. Да вот беда, в печь вроде человечка клали, а из печи вышел шарик с ручками-ножками и с глазами навывкате. Видать, технологию где-то нарушили. Что с этим чудом делать дальше, кудесник объяснить не успел – недочеловечек соскочил с лопаты и, смешно переваливаясь, выкатился за порог. Стрелок бросился ловить, да куда там! Маленький шарик, проворно уворачиваясь от кустов и деревьев, скрылся в чаще. Только его и видели.

Много позже Стрелок набрел в лесу на полянку, где обнаружил засохшие крошки. Но были ли это останки человечка из теста или просто грибок останавливался перекусить, непонятно.

После этого Стрелок задумываться о потомках перестал. Жена старалась его подбодрить, но безуспешно. А тут еще объявился вепрь матерый, да прямо у стен столицы. Скотину почему резать начал, на людей нападать. А уж коли кровь учует – пиши пропало!

Многие вепря того изловить пробовали, да никто живым не вернулся. Имя вепрю даже дали – Турбовол. Люди знающие говорили, если зверю имя дадено, так то уже не просто зверь! Дух это лесной, зверем обернувшийся. А коли дух лесной озлобился, это неспроста – среди людей причину искать следует.

Только людям простым от причины появления в близлежащих лесах дикого кровожадного Турбовола ни тепло, ни холодно. Им, людям, себя спасти надо. Вот и пошли к королю за защитой. А король решил воспользоваться поводом и подыскать подходящего жениха для дочурки – а то уж двадцатый год в девках ходит. Стыд!

Казначей короля отговаривал, сам Мастер убеждал. А король ни в какую: награда – свадьба!

Немало добрых и не очень молодых сложили головы, чтоб породниться с монархом. Многих такая перспектива, наоборот, отпугнула. В общем, результат отсутствовал.

– Нужен лучший, – намекнул кто-то Его Величеству.

– Так приведите лучшего!

И лучшего привели.

– Сможешь одолеть Турбовола? – спросил король у Стрелка, подавшись вперед.

– Пожалуй, смогу.

– И как скоро?

– Трудно сказать. От много зависит. От сытости зверя, от настроения, от погоды. Да и мне его выследить надо сначала, место подготовить – на вепря просто так не ходят. Тем более, на именитого!

– За неделю справишься?

– Можно попробовать.

– А за две?

– Ну, можно и за две.

– А если за месяц?

– Если постараться, можно и за месяц...

– А за два?

– Ну, Ваше Величество, ты задачи ставишь! За два месяца одному не справиться, тут помощник нужен. А я один работаю.

– Ну, что ж, месяц, так месяц. К свадьбе подготовиться, гостей созвать – все успеем.

– Кого женить-то собрались? – усмехнулся Стрелок.

– Как кого?! Тебя, конечно!

– Стоп-стоп-стоп! Мы так не договаривались! Я, Ваше Величество, женат уже.

– Мы эту проблему как-нибудь решим.

– Ну и как же?

– Как-нибудь. Ты иди пока, Турбоволом занимайся, а мы тут порешаем.

Деваться Стрелку было некуда. Других лучших охотников в королевстве не было. А не переберись сюда Стрелок, не было бы вообще. Поэтому к королю его везли в специальном экипаже, и сопровождал экипаж целый отряд дружинников, да еще специальных надзирателей по бокам от Стрелка усадили. Разве что в кандалы не заковали – не дай бог, убежит.

Бежать Стрелок и не думал. Не каждый день предлагают переквалифицироваться из лучших – в легендарные! Но вот нагрузка к подвигу в виде принцессы Стрелка отнюдь не вдохновляла. Его попытки убедить короля пересмотреть награду достигли того же успеха, что и казначеевы, и самого Мастера. Оставалось готовиться к подвигу и искать способ избежать нежеланной свадьбы.

И Стрелок готовился. Тщательно. Он разузнал о Турбоволе много интересных подробностей, большая часть из которых, к сожалению, так и не пригодилась. Он сумел подготовить ловушку так, чтобы последний, решающий выстрел можно было наблюдать с крепостной стены столицы. Он даже придумал четыре плана побега, но Мастер накануне подвига отсоветовал все.

Король тоже не терял времени даром. Подготовка к свадьбе шла полным ходом. Гости съезжались не только погулять на свадьбе, но и посмотреть уникальное шоу: подвиги на глазах у публики совершаются крайне редко. И самое главное – король решил-таки проблему с настоящей супругой Стрелка.

У короля далекого островного государства где-то на западе на дочь были свои далеко идущие планы. И вмешавшийся в них Стрелок заставил их срочно корректировать, теряя время, уважение, деньги и политический вес. Нашедшаяся принцесса могла поправить положение, хотя и не решала всех накопившихся из-за ее исчезновения проблем. К слову сказать, к тому времени принцесса уже сама была не рада похищению. Ей, конечно, было интересно развеяться, попутешествовать, вырваться из-под постоянной опеки. Но приключения закончились, а к простому охотничьему быту принцессы не очень приспособлены.

Короче говоря, интересы трех сторон совпали, и Стрелок остался в меньшинстве. По обоюдному согласию двух монархов и одной принцессы, ее брак со Стрелком был заочно аннулирован. И принцесса радостно отправилась домой к папочке. А Стрелок неожиданно для себя стал вновь свободным. Он лихорадочно метался между неубитым еще Турбоволом и незамужней пока королевой. Лучшим выходом из сложившейся ситуации он видел свою героическую гибель во время совершения подвига. Хотя умирать очень не хотелось. Хотелось мстить. И прославиться.

Настал день П.

Разъяренный Турбовол вырвался из леса на Ярмарочное поле. Стрелок все рассчитал точно. Он заранее подготовил засидку в ветвях большого дуба, растущего на краю леса. Отсюда ему было видно все: поле, городскую стену, столпившихся на стене гостей, ожидающих подвига и свадебных гуляний. И монарха с дочерью. Охотник недобро усмехнулся и наложил на тетиву первую стрелу. Эта стрела должна была догнать зверя на полпути к воротам, заставить развернуться. Она заставила. Только Стрелок надеялся, что стрела вонзится в круп вепря, а она отскочила.

– У тебя что, шкура каменная? – пробормотал себе под нос охотник и наложил на тетиву вторую стрелу.

Ему было необходимо, чтобы зверь задрал голову, посмотрел на него. Для этого нужно было привлечь его внимание, сконцентрировать на себе. Единственным местом, куда можно было попасть, надеясь, что стрела не отскочит, оставался нос. Кабаний пятак будет, пожалуй, больше беличьего глаза. Хотя и расстояние – не двадцать шагов. Стрелок не промахнулся. Турбовол взвизгнул, да так высоко, что столпившиеся на стенах зрители позажимали уши.

– Каменная, да не везде! – довольно произнес Стрелок, вынимая третью стрелу и готовясь к решающему выстрелу.

Расчет был очень тонкий. Поразить вепря в глаз и, пока он бьется в агонии, а зрители боятся выйти за стену, быстренько исчезнуть. Лесными тропами через болота и чащи Стрелок надеялся уйти подальше от дворца и схорониться в глуши.

И вот он, самый ответственный момент. Турбовол перестал мотать головой и поднял налитые кровью глаза на Стрелка, удобно устроившегося в ветвях дуба. Время вдруг замедлилось, стало тягучим, словно кисель. Охотник мог разглядеть свое отражение в глазах жертвы.

– Попался! – стрела сорвалась с тетивы и через два вдоха торчала из правой глазницы гигантского кабана. Зверь заверещал еще истошнее, чем в первый раз и бросился к засидке охотника. Время вернуло свой стремительный бег. Стрелок спешно спускался на землю. Если там, на стене, заподозрят неладное, то конница его настигнет раньше, чем он успеет раствориться в глухих лесах.

Турбовол приближался. Но с каждым скачком движения его замедлялись. Даже бешеная ярость не могла превозмочь надвигающуюся смерть. Вепрь в последнем свирепом прыжке попытался дотянуться до замершего Стрелка. И рухнул к его ногам. Рассчитано все было идеально. Но охотник все-таки заметно побледнел. Он вскинул руку в неприличном жесте, адресованном Его Величеству и несостоявшейся невесте.

На стене жест заметили и оценили.

А Стрелок развернулся и стремительно зашагал в лес.

Чудища появились на третий день. Их было... много. Воевода, помогавший плотникам Фомы соорудить городок-полигон, заметил их первым. Сосчитать их он не успел. И не мудрено, когда на остров из прибрежных кустов лезет такое!

– Отступаем! – только успел крикнуть Воевода, спрыгивая с недостроенной стены и держа топор наперевес.

Плотники, хоть народ и не военный, подчинились команде беспрекословно. К удивлению Воеводы, инструмент они не побросали. Отступали слаженно, неплохо сгруппировавшись для новобранцев. Все-таки, Фома не зря тщательно подбирал парней в свои бригады. Чувствовалась сработавшая команда. Образовав два крыла, плотники медленно пятились к холму в центре острова, где уже почти готов был главный терем.

От укрепленной стены или, на худой конец, частокола Фома наотрез отказался. Хоть Воевода и предлагал. Теперь становилось ясно, что зря не настоял. Чудища выходили из болота.

– Держать строй! – подбадривал Воевода неожиданно оказавшийся под его командованием отряд – Не толпиться! Они не ползут!

Но они лезли. Не торопясь, чуя, что добыча от них никуда не денется.

Воевода вновь ощутил себя молодым сотником, удерживающим фланг во время битвы у Трех Сосен. Разница была лишь в том, что тогда напирала конная кочевница, простые и понятные обычному дружиннику. А тут приближались страшные чудища. И чего от них ожидать – неясно.

– Простите, господа! Могу предложить вам защитный купол...

– Давай!!!

Кто-то сзади выкрикнул несколько непонятных слов, и чудищ отмело за границу острова. Все выдохнули и медленно обернулись. На них сквозь непроницаемые темные очки смотрел Волшебник. Он замер, тяжело опираясь на посох:

– Успел.

– Ну, спасибо, Волшебник. Если б не ты... Откуда их здесь столько?

– Вообще-то такие существа здесь не водятся.

– А как же они сюда попали?

– С моей помощью.

– Да ты шутишь!

– Чувство юмора, конечно, присуще чародеям. Но, как правило, оно весьма специфично. И сейчас я не шучу. Все из-за них! – Волшебник снял очки и стал рассматривать их на просвет.

– Из-за очков?

– Из-за Казначей с Мастером! Они прямо перед приступом предложили наколдовать чудищ! Чтоб героя обучать! На живом примере, так сказать! Плохая идея! Плохая!

– Мы и не думали, что так получится! – подбежал запыхавшийся Казначей.

– А надо было думать! Я за вас думать обязан?!

– Извини. В следующий раз...

– А следующего раза может и не случиться!

– Так! – Воевода вклинился между ссорящимися, – давайте-ка успокоимся и обсудим сложившуюся ситуацию. Как насчет общего собрания у плана острова через полчаса?

– Лучше через час. И, пожалуй, не стоит тащить туда всех. Достаточно будет представителей.

Представитель был только от плотников – сам Фома. Остальные представляли сами себя: Нелюдим, Емельян-печник, трое бывших лучших и один государственный преступник.

– Мастера не будет? – спросил Волшебник, когда все собрались возле макета.

– Мастера не будет, – помотал головой Казначей, – он ушел за героем.

– Уже?! Но ведь стройка в самом разгаре, еще ничего не готово?! Я так не работаю!

– Во-первых, он еще не вернулся. Во-вторых, он даже не сказал, когда собирается вернуться. В-третьих...

– У нас проблема, – перебил Стрелок, обводя взглядом план будущего предприятия по созданию героев, – крупная.

– Мы в осаде. И противник нам неизвестен.

– Отчасти известен. Там, снаружи, в основном чудища изученные: химера, гарпия, Турбовол...

– Я же его победил!

– А я его вернул. Понимаешь, Стрелок, во время приступа я себя практически не контролирую. А тут еще посыл дали прямо перед...

– Хотя количество чудищ нам известно?

– Дюжина.

– Вместе с крокодилом?

– Дюжина и крокодил.

– Список составишь! – велел Воевода.

– Со всеми особенностями! – добавил Казначей.

– Долго твой купол продержится?

– Долго. Эти создания разбредутся раньше. Скоро они проголодаются и отправятся искать себе охотничьи угодья.

– И как скоро?

– Неделя. Две. Может, месяц.

– Надеюсь, что раньше. У нас запасов всего на неделю! А народу здесь уйма! И обоз должен пойти только послезавтра...

Все притихли, представляя кровавый пир, который устроят себе чудища, повстречав беззащитный караван с продовольствием и очередной партией строительных материалов.

– Надо предупредить!!!

– Как?! Мы здесь заперты!

– Заперты – подтвердил Волшебник.

– А стена эта вообще неприступна? – вдруг заговорил кузнец.

– Только для живого. Камень или стрела пройдут ее насквозь, даже не заметив.

– Угу, замечать-то камню нечем.

– Хм. Я должен подумать, – Нелюдим покинул собрание и направился в Дальний Угол.

– Я с тобой! – бросился вдогонку Емельян.

– Что-то они там надумают...

– Что-то – надумают, – уверенно кивнул Стрелок.

Всю ночь и весь следующий день из Дальнего Угла доносились шум, гул и скрежет. Нелюдим что-то ваял из металла. Никто не решался сунуться к кузнецу, чтоб разузнать, что они с печником затеяли. Но всем было понятно: если два гения сошлись, то выйдет нечто уникальное. Вдвойне уникальное. Уникальное в квадрате!

И это уникальное вышло. Точнее, выкатилось в центр острова, извергая пламя, дым и пар.

– Самоходная печь! – радостно представил творение чумазый и донельзя довольный Емельян.

– Что не смог один гений, двое точно сделают! – провозгласил Стрелок.

– Аппарат еще недоработан, – заскромничал кузнец.

– Всего за сутки?! Такое?!

На новое изобретение сбежались поглазеть все. Это было что-то из железа – от камня кузнец печника отговорил. Но в основе конструкции лежала печь. Вернее, стояла – на больших деревянных колесах от телеги. К колесам шли какие-то железные сочленения, всю махину опутывали трубки. И эта самоходная печь была действительно самоходна!

Емельян и Нелюдим скатили механизм с холма к началу гати.

– А как же ваша печь поворачивать-то будет?

– А никак! По гати дорога прямая, как ниточка – зачем поворачивать?!

- А дальше?
- А дальше – колея. Куда ж ей из колеи деваться! Доедет прямехонько до городских ворот!
- Осталось только послание прикрепить, и можно отправлять.
- А груженую телегу эта печь утащит?
- Пожалуй, утащит, – удивился вопросу Казначей Нелюдим.
- Тогда, Нелюдим, пойдем писать послание. Расскажешь, как эта штука работает, чтоб нам ее обратно могли послать.
- Зачем?
- Не за-чем, а с чем! – отдельно произнес Казначей, беря кузнеца под локоток и увлекая к зимовью.

Самоходная печь отправилась в свое первое путешествие. Возвращения ее ожидали через два дня. И она вернулась, таща за собой большой воз, нагруженный с горкой. Все с нетерпением смотрели, как необычный механизм приближается. И с тревогой отмечали, что скорость самоходной печи неумолимо уменьшается. То ли кузнец рассчитал неверно, то ли отправлявшие с того конца перестарались, наваливая на телегу продукты. Печь замерла, не доехав до острова шагов сто пятьдесят.

Разочарование и тревога нависли над островом в центре Непроходимого болота. Больше помощи ждать было неоткуда. Чудища, порожденные Волшебником, не спешили покидать окрестности острова. Видимо, надеялись, что невидимая преграда вот-вот исчезнет сама собой, и люди окажутся в их полной власти. Чудища расхаживали вдоль непреодолимой границы и время от времени недовольно порывивали и повизгивали. Оптимизма их поведение не внушало. А мозолящая глаз телега, набитая доверху провиантом, ввергала в отчаяние. Такая близкая и – такая недоступная!

Что-то было необходимо предпринять! Но умных мыслей ни у кого не было. Глупых, впрочем, тоже.

Никто до сих пор так страстно не желал скорейшего появления Мастера!

Часть вторая.

Изготовление.

И Мастер появился.

Людам свойственно заблуждаться и ходить кругами. Последнее – особенно. Диаметр кругов сильно колеблется в зависимости от кругозора. Но все равно люди кружат. И их кружение закругляет мир вокруг. Когда много людей двигается по схожим орбитам, пространство постепенно превращается в диски. А если совпадает огромное количество окружностей – в шары.

Некоторые люди намеренно ограничивают свой кругозор. Тогда возникают, как правило, квадраты. Неспроста, например, большинство карт прямоугольные!

Но время от времени среди людей рождаются Мастера. Крайне редко, но – случается. Мастера уникальны. Они умеют видеть и ходить прямо. Не в смысле вертикально, хотя это они, несомненно, умеют. А в смысле вперед. Не видя границ и не замечая препятствий. Они единственные знают наверняка, что вселенная плоская и безграничная. И бескрайняя. И на просторах этой вселенной есть все. То есть вообще все! Даже то, чего вообразить невозможно. И любой Мастер может побывать везде, увидеть все и – главное – сделать все. Другой вопрос: стоит ли это «все» делать? Как правило, не стоит.

В большинстве случаев не стоит даже вмешиваться – практически все происходит само собой. За редким исключением. И вот, когда случается это самое редкое исключение, Мастер тут как тут. Поможет советом, подтолкнет к верному решению, а порой – нарушит все возможные и невозможные законы и правила. В виде исключения. Для верного развития событий. Порой люди загоняют себя в такие тупики, что без вмешательства Мастера не обойтись никак. Хотя, если честно, и Мастер может загнать человека в безвыходную ситуацию. Вернее, в ситуацию с единственно возможным выходом. Значит так необходимо – по сценарию! Кто пишет этот сценарий, и вообще, есть ли этот сценарий, известно только Мастерам. А Мастера не любят раскрывать профессиональные секреты.

Итак, Мастер появился.

Откуда он вернулся и как сумел пройти сквозь невидимую стену, осталось тайной. Но факт остается фактом: Мастер появился.

И не один.

– Почему их двое?! – тут же, не здороваясь, налетел на него Казначей.

– Так получилось. Поодиночке они ни на что не годятся. А вот вдвоем...

– Странные они. Где ты их отыскал? – Воевода с Волшебником подошли с разных сторон практически одновременно. От наметанного взгляда опытного тактика не могло скрыться неожиданное изменение диспозиции. Волшебник просто почувствовал появление Мастера. И только Стрелок в благом неведении все еще пропадал в Дальнем Углу вместе с Нелюдимом и Емельяном.

– Где отыскал, там их уже нет. Принимайте!

– Надо бы за Стрелком сходить.

– Сейчас сам придет. С кузнецом.

– Зачем нам кузнец? Они что, лошади что ли?

– Лошади – не лошади, а подковать надо.

– Оковать, – поправил приближающийся Нелюдим.

– И подковать тоже. В смысле знаний, – пояснил Казначей.

– И умений, – добавил от себя Стрелок.

Воевода молчал. Он придирчиво оглядывал новобранцев, изучал.

Глаза, лица, рост – все выдавало в них уроженцев востока. Но не кочевники! Те коренастые, крепкие, а эти тонкие, хрупкие. Кажется, дотронься пальцем – переломишь! Воеводе прежде доводилось встречаться с купцами из далеких восточных стран, тех, что за степями воинственных кочевников. На них будущие герои походили больше. Но только походили. Неужели, где-то там, на востоке, еще дальше есть другие страны?!

– И все-таки, откуда они?

– Из Мытищ!

– А где это?

– В другой реальности, – нехотя проговорил Мастер, – большего вам знать не надо.

– А больше оттуда никто не заявится?

– Если только я сам приведу.

Главный терем уже подвели под крышу, но все собравшиеся, не сговариваясь, направились к старому зимовью. Среди возводимых домов этот маленький сруб, с трудом вмещавший четверых постояльцев, теперь смотрелся убого. Посеревшие от времени толстые бревна стен, земляная крыша, поросшая мхом, низкая дверь и узенькое окно не могли соперничать с домами, быстро растущими вокруг.

Лучший плотник королевства всю жизнь мечтал построить город. Целый город! С самого начала. Казначей дал ему эту возможность, и сейчас Фома строил.

А бывшие лучшие и государственный преступник с кузнецом и гостями разместились в тесной комнатке, где Казначей вел все дела. Лавок на всех не хватило. Мастер по обыкновению уместился в углу на сундуке, а будущие герои остались стоять в центре.

– Давайте знакомиться. Казначей, – представился Казначей.

– Волшебник.

– Стрелок.

– А я, стало быть, Воевода.

– А это Нелюдим, – кивнул на товарища Стрелок.

– Нацатага Бегемото, – поклонился один из иностранцев

– Укусика Неко, – согнулся второй.

Кланялись они странно. Вроде в пояс, но руки при этом держали по швам. Словно переламывались пополам и замирали, согнувшись.

– Чего это они?

– Так, наверное, у них принято.

– Можете говорить с нами на равных, – подал голос из угла Мастер.

Будущие герои выпрямились:

– Спасибо, Мастер-сан.

– Не пойму, они – юноши?

Действительно, определить какого они пола, по новобранцам было невозможно. Выглядят одинаково: черные штаны из плотной ткани, толстые кожаные куртки усыпаны блестящими металлическими заклепками, длинные черные тонкие волосы торчат во все стороны. Разве что у одного волосы немного длиннее. И лица похожие.

– Один точно парень, – заметил Стрелок.

– А другая – девчонка, – уверенно добавил Волшебник.

– И кто из них кто?

– А я и сам толком не разберусь, – пожал плечами Мастер, – Да и не так уж это важно.

– Важно, – пробасил Воевода, – хотя, судя по броне, они оба должны что-то понимать в воинском искусстве.

- Не обольщайся.
- А судя по прическам, и в магии должны разбираться, – хохотнул Волшебник.
- И ты тоже не обольщайся.
- И все-таки, почему их двое?
- Это условие Мастера.
- Странные у тебя условия.
- Другого Мастера, тамошнего.
- Который из Мытищ?
- Можно и так сказать. Я – не единственный Мастер на свете. Есть и другие, у них свои миры. Мастера вообще редко общаются, только в крайних случаях. Нынешний случай я посчитал крайним.
- А тот Мастер?
- Не совсем. Поэтому пришлось брать то, что дают. Нынче дали этих двоих. Комплектом.

– Мастер, у нас проблема.

Вошедший глава плотников мгновенно заполнил собой практически все остававшееся свободным пространство, заставив потесниться будущих героев. Внешне он старался оставаться спокойным. Но сощуренные веки, напряженные скулы и подрагивающие пальцы выдавали его волнение.

– Что случилось?

– Чудища... Стена...

– Берегите головы! – напомнил Казначей, предчувствуя скорую эвакуацию из зимовья.

Вслед за Фомой все вышли на улицу. От зимовья строящийся полигон виден был плохо. Однако, поднимаясь на ближайший холм, всем стало ясно, что проблема действительно есть. И проблема большая. Точнее проблем было три. Две из них имели отдаленное сходство с большими кошками. Местами. Третья была крылата. И эти три проблемы уже были здесь, внутри границы, очерченной невидимой стеной Волшебника. Они не атаковали. Они медленно наступали, ощущая себя полновластными хозяевами положения.

– Просвети нас, Волшебник, – обратился Мастер.

– Просвещаю. Слева мы видим химеру. Это чудище с телом козы, головой льва и змеей вместо хвоста. Взрослая химера может изрыгать пламя. Длина языка пламени достигает дюжины шагов. В ближнем бою химера не столь опасна. Главное – правильно рассчитать амплитуду движения хвоста. Справа на нас движется мантикора. У нее львиное тело и голова женщины. Хвост скорпиона, увенчанный ядовитыми жалами. Теоретически жала она может метать, так что в дальнем бою мантикора – опасный противник. В ближнем, впрочем, тоже. А в воздухе мы можем наблюдать гарпию. Обычно они налетают стаями, но в данном случае она одна. Крылья, ноги и нижняя часть туловища у гарпии от грифа, голова же и грудь – женские. Лицом гарпия не вышла, отчего характер у нее особенно мерзкий. В обычных условиях гарпия безвредна. Но стоит ее обидеть, и обидчику несдобровать. А обижаются гарпии очень легко. Ой, кажется, она меня услышала и уже обиделась!

– А со стеной-то что случилось?! – не выдержал Воевода.

– Срок действия закончился.

– Сразу предупреждать надо было!

– Теперь уже поздно. Видать, пришла пора вам становиться героями, – обратился Мастер к молодым людям, внимательно слушавшим лекцию и одновременно разглядывавшим чудищ.

– Вот так сразу?! – попытался вступить Стрелок.

– Вот так сразу.

Разъяренная гарпия уже пикировала на Волшебника из зенита, растопырив крючковые когти.

– Оружие! – воскликнул один из новобранцев, – мне нужно оружие! Лук, самострел, арбалет, дротик! Хоть что-нибудь!

Стрелок метнулся к зимовью.

– Не успеет, – констатировал Казначей, – столовый нож подойдет?

– Если он хоть как-то сбалансирован...

– Он отлично сбалансирован, – попытался обидеться государственный преступник, – сам Нелюдим ковал!

Он достал из-за пазухи аккуратно обернутый в тряпицу столовый прибор. Чего здесь только не было! Ложки – от столовой до маленькой чайной. Вилки: и четырехзубая для мяса, и трехзубая для рыбы, и даже двузубая фруктовая. И три ножа разных размеров. Правда, все ножи были закруглены на концах, зато баланс оказался безукоризненным. Укусика осторожно приняла орудия застолья, скользнув взглядом по тонко выкованному орнаменту на ручках.

– Аригато!

– Спасибо! – тут же перевел Мастер.

– Страшно?

– Страшно. Первый раз такую мерзкую гадину кушать буду.

На новое оскорбление гарпия среагировала молниеносно. Полуптица попыталась мгновенно сменить цель. Но скорость она успела набрать порядочную, а запаса высоты уже не оставалось. Несколько раз кувырнувшись в воздухе, чудище ударилось о землю в двух шагах от Волшебника и подкатилось к ногам Укусика.

– Будешь еще хулиганить? – в гарпию уперся тонкий наманикюренный палец.

– А чего вы дразнитесь?! – прокаркало чудище.

– Она и говорить, оказывается, умеет!

– Ну, вот опять!

– Случай тяжелый, но не безнадежный, – констатировал Казначей, – могу заняться.

– Займись, – Волшебник поднял гарпию за лапы и протянул государственному преступнику.

– Только не за решетку! – забеспокоилась полуптица.

– Тогда держи себя в руках... в крыльях. А то я не знаю, на что эти чужестранцы способны.

– Они и сами еще не знают, – ехидно поддакнул Мастер.

– Они идут! – напомнил Фома, глядя на приближающихся химеру и мантикору.

– Пока еще далеко.

Нацатага отошел к ближайшему недостроенному зданию и изучал прислоненную к стене дубовую дверь:

– Держать неудобно, – указал он на единственную ручку.

– Сейчас исправим.

В руках плотника, словно из ниоткуда, появились молоток и еще одна ручка. Во рту блеснули новенькие гвозди. Пара ударов – и ручек у двери стало две. Новобранец вцепился в них и, крикнув, приподнял дубовую створку:

– Тяжеловато!

– Поможем! – Воевода схватился за вторую ручку. Волшебник выписал посохом непонятную фигуру и ткнул концом посоха в обоих по очереди. Дверь сразу полегчала.

– Банзай! – закричал Нацатага и ринулся на чудищ.

– Ура! – закричал Воевода и помчался рядом с будущим героем.

Широкой дубовой створки как раз хватало, чтобы укрыться за ней обоим. Толщина позволяла надеяться, что какое-то время дверь сможет защищать их от огня, змеиного хвоста и ядовитых жал.

Тут, наконец, подоспел и Стрелок. Он запыхался и протягивал Укусике свой любимый лук и колчан со стрелами.

– Много, – Укусика вынула три стрелы, посмотрела вдоль каждой, довольно хмыкнула. И воткнула их в землю перед собой.

– Всего три?!

– Целых три!

На дверь, несомую Воеводой и Нацатагой, обрушился град тонких зеленоватых от яда игл – мантикора пустила в ход свое страшное дальнобойное оружие. И почти сразу в нее уперлась тонкая ярко-желтая струя пламени. Химера оказалась достаточно взрослой.

– Тебе не кажется, что мы немного перестарались? – обратился Мастер к Волшебнику.

– Что вы с Казначеем немного перестарались – не кажется. Плохая была идея!

Стрелок с удивлением наблюдал за Укусикой. Та посмотрела на обезвреженную гарпию, по-прежнему болтающуюся вниз головой в руке Казначей, и убрала из своего арсенала одну стрелу. Потом проводила взглядом дверь, несомую Воеводой и Нацатагой. И протянула лук обратно. И не торопясь направилась вслед за ними, что-то мурлыкая себе под нос.

– Смотрите, что это?! – возглас кузнеца заставил всех на мгновение замереть и отвлечься от противостояния толстой дубовой двери и чудищ.

На коньке крыши ближайшего к сражению дома маячила странная фигура. Ростом с человека, но одновременно мускулистая и толстая. Во всяком случае против солнца так казалось. Из-за спины у фигуры торчали рукояти двух мечей. Стояла фигура уверенно, не боясь, что ее заметят. Подсвеченная сзади она казалась абсолютно черной, только глаза можно было различить.

– А вон еще!

Над недостроенными зданиями будущего полигона появились еще три похожих фигуры. Кувыркаясь, они перепрыгивали с крыши на крышу, приближаясь к месту схватки. Иногда они замирали на мгновение, словно оценивая изменения обстановки, и снова приходили в движение. Издали они также казались совершенно черными.

Все, включая мантикору и химеру, заворожено наблюдали за происходящим. И только Укусика, все также мурлыкая себе под нос непонятную мелодию, продолжала приближаться к чудищам. Вот она уже обогнула дверь. Вот Нацатага попытался ее окликнуть, но не смог издать ни звука. Вот она уже возле химеры. Остановилась, присела, посмотрела в львиные глаза. Протянула руку...

Над площадкой повисла мертвая тишина. Окружающие не знали куда смотреть: то ли на непонятных гостей, то ли на удивленную химеру, шею которой уверенно и ласково почесывает Укусика. Довольное рокочущее мурлыканье раздалось так неожиданно и прозвучало столь громко, что Казначей вздрогнул. Теперь внимание всех вновь приковали чудища и новые герои.

– А я? – обиженно взвизгнула мантикора.

– И ты. Иди сюда, – ласково произнесло девушка.

Все зачарованно смотрели, как два чудища, местами похожих на больших диких кошек, лапятся, трутся, урчат и просят еще ласки. И никто не заметил, как четыре неизвестных фигуры растворились среди построек.

– Вот чего мы не учли на макете, – нарушил тишину Фома.

– Чего? – не понял Казначей.

– Зверинец.

Раздалось недовольное рычание и обиженный голос гарпии, которую все также вниз головой держал в руке Казначей:

– Опять обижают!

– Назовем это... виварием, – предложил Мастер.
– Лучше? – обратился к полуптице Казначей.
– Лучше.
– Тогда не рычите! – обернулся он на звук.
– Это не они.
– Это мой живот, – улыбнулся Нелюдим и посмотрел в сторону дороги. Взгляды остальных устремились в ту же сторону. Там до сих пор ждала запряженная в телегу самоходная печь. А на телеге высилась гора провианта.

Создавать проблемы и перекладывать их решение на чужие плечи – любимое развлечение всех Мастеров.

В далеком мире на берегу моря стоят два замка. Высятся они на противоположных сторонах небольшой бухты. По середине этой бухты проходит негласная граница. Если посмотреть на море, то по левую руку будет территория клана Ромико, а по правую – клана Дзули. Эти два семейства якудзы с давних времен живут бок обок и соперничают между собой. Открытая вражда, часто выливавшаяся в кровавые войны, давно миновала. Теперь оба клана – хозяева конкурирующих корпораций. Шестнадцать лет назад в обоих семействах случилось пополнение. Естественным путем. Причем, что в клане Ромико, что в клане Дзули – у глав семейства. И надо ж было такому случиться, что в один день у Ромико родился мальчик, а у Дзули – девочка.

Мастер того мира хотел примирить и объединить два сильных клана, чтобы они продолжили борьбу совместно на более высоком уровне. Однако ни Ромико, ни Дзули к этому не стремились. Даже наоборот, желали оставаться на своем месте, сильно тормозя прогресс мира.

И тут такой случай! Свести детей глав противоборствующих кланов Мастеру не составило труда. Вселить в их сердца всепоглощающую вечную любовь – здесь Мастеру даже помогать не пришлось. Только делать так, чтоб никто не вмешивался, пока все не раскроется и не придет к счастливому концу.

Никто и не вмешивался. И счастливый конец стремительно приближался. Но так и не наступил. Вместо шумной веселой свадьбы оба клана ожидали похороны и долгий траур. Главы семейств, узнав о грядущем объединении, сочли себя смертельно оскорбленными. И сделали хакари. Мирное сосуществование двух замков, расположенных на разных берегах одной бухты, оказалось под угрозой.

Чтобы хоть как-то спасти положение, Мастеру пришлось в срочном порядке ликвидировать причину вновь вспыхнувшей вражды. Нацатага Бегемото (урожденный Ромико) и Уксика Неко (урожденная Дзули) были немедленно погружены в самолет. Самолет немедленно улетел в Шереметьево. Смена имен и изменение внешности – теперь влюбленные походили друг на друга, как близнецы – на некоторое время обезопасили их.

Пока ишейки якудзы распутывали случайно оставленные следы, Мастер пристроил Нацатагу и Укусику в РУДН, чтобы те хоть как-то смогли освоиться в новой стране. А сам стал искать выход из сложившейся ситуации.

И тут к Мастеру пришел Мастер.

– Здравствуй, Мастер!

– Здравствуй, Мастер!

Хозяин пригласил коллегу в маленькую холостяцкую квартиру на окраине Мытищ. Отличное место для сохранения инкогнито Мастера в большом городе большого мира.

– Ну, рассказывай, что привело тебя ко мне.

– Мне нужен герой.

– Ничего себе, заявочки! Где ж я тебе среди бела дня посреди столицы героя отыщу?!

Тут же сплошные гастарбайтеры!

- Кто-кто? – не понял Мастер.
  - Понаехавшие...
  - А-а-а, – сделал вид, что понял Мастер.
  - Хотя... есть у меня одна идея. Только герой будет вдвоем.
  - То есть как это?
  - Комплектом. Два экземпляра по цене одного, – хохотнул Мастер, – А зачем тебе вообще герои нужны?
  - Да есть у меня один проектик... по созданию героев в отдельно взятом государстве на коммерческой основе, – Мастер улыбнулся, – только с сырьем незадача вышла.
  - А что, много материала требуется?
  - Пока все на стадии экспериментальной разработки. Но к зиме можно выйти на минимальную мощность, а через год – на проектную. Хочешь предложить сотрудничество?
  - А почему бы и нет? У меня тут кандидатов в герои пруд пруди. Да не всех пристроить к подвигам получается. Да и какие тут у меня подвиги? Трудовые разве что.
  - А чего взамен хочешь?
  - Места, свободного от этих «героев».
  - Что, так мешают?
  - Некоторые особенно. А есть еще такие, которых вообще ни к чему не пристроить – вот от этих я бы с радостью избавился, да еще бы и приплатил за утилизацию.
  - Предложение прямо интригует своей новизной. Давай так договоримся: как у меня производство разовьется, буду брать понемногу. Мне все сгодится. Что не смогу использовать – найду куда пристроить. Но прямо сейчас мне герой позарез нужен!
  - Тогда бери, что есть.
  - А они точно герои?
  - Самые настоящие! Прямо, как в книге!
- Не уточнил Мастер, в какой именно книге. А Мастер не удосужился расспросить поподробнее.

На следующий день Воевода и Емельян с помощью плотников развернули самоходную печь и отправились в город. Взбурдаженная столица с нетерпением ожидала вестей из Непроходимого болота.

Вид приближающегося чуда техники, пышущего дымом и паром, заставил всех, не занятых делом вывалить за ворота. Те, кто был занят, побросали свои дела и толпились в задних рядах встречающих. Самоходная печь споро тащила за собой пустую телегу, на которой гордо восседали Воевода и печник.

Пропыхтев через раздавшуюся толпу, агрегат вкатился на центральную площадь и медленно подкатил к дворцу. На резном крыльце их уже ожидал король со свитой. Свита состояла из советника, двух стражников с алебардами и королевны.

Емельян заранее остудил угли в печи, так что механизм самостоятельно замер, не доехав пары шагов до ступеней. В прошлый раз вовремя затормозить механизм было некому, о чем свидетельствовали продавленные следы на толстых досках и закопченный навес над крыльцом.

– А печь-то поехала! – не понятно к кому обратился Емельян вместо приветствия.

Королевская дочка задрала носик и демонстративно отвернулась.

– С приездом! – провозгласил король.

– И вам здравствовать!

– Как вы, справились?

– Спасибо герою!

Перед отъездом Мастер посоветовал не распространяться о том, что герой будет в двух экземплярах.

– Уже? – удивился Его Величество, – насколько мне известно, стройка еще не закончена, а у вас и герой наготове! На что ж я тогда казну разбазариваю?!

– На будущую славу героев и государства! – отрапортовал Воевода.

Советник придвинулся к королевскому уху и что-то в него зашептал. Король покивал, хмыкнул:

– Герой, значит, уже есть. А где же слава?

– Всеу свое время. Герой должен еще подвигов насOVERшать! Да таких, чтоб слава о нем загремела повсюду. А для этого героя необходимо тщательно подготовить, – нашелся Воевода и вполголоса добавил, – эх, Казначей б сюда! Он бы все ловко разъяснил...

Но Казначей в это время был сильно занят. Даже если бы ему и предложили прокатиться в столицу на самоходной печи, все равно пришлось бы отказаться. С появлением героев забот у государственного преступника прибавилось.

Благо, центральный терем был уже почти закончен, так что с размещением – хотя бы временным – новобранцев проблем не возникло. Зато остро встал вопрос: куда девать чудищ? Никто ведь не рассчитывал, что герой станет приводить трофеи с собой! Для голов, рогов, шкур и всего прочего, чем могут похвастаться удачливые охотники, был спроектирован отдельный дом. Правда, под него еще даже фундамент не заложили, но вопрос-то не в этом! Три живых чудища налицо! И куда их прикажете девать? Не обратно же в болото!

Казначей сидел на завалинке у старого зимовья и задумчиво смотрел вдаль, подперев подбородок кулаком. Рядом расхаживала гарпия.

– Что же нам с вами делать? – протянул государственный преступник.

– Только не надо обзывать и дразниться!

– А тебе не надо так бурно реагировать. Тебя, кстати, как звать-то?

– Клео... Клеопатра полностью. Но все смеются.

– Клео, так Клео, – кивнул Казначей, – а над чем смеяться тут?

– Как над чем?! Имя мне в честь знаменитой красавицы дали, между прочим!

– Я о такой даже и не слышал! Может, Мастер или Волшебник в курсе, а по мне имя, как имя. Мое имя, например, вообще произносить нельзя.

– Это почему же? Такое смешное? Или обидное?

– Не положено называть государственных преступников и опальных по имени. На каждого отдельный указ Его Величества имеется.

– Разве такое возможно?! Помнится, был один человек, так он перед богами провинился так, что те попытались вычеркнуть его имя из истории. И что? Да ничего! Геростратом его звали!

– Ну, наши имена за пределами королевства тоже отлично помнят. Просто у нас в стране произносить их запрещено.

– А, ну, тогда ничего. Монарх сменится, и все снова станет можно.

– Сменится он, как же! У него из наследников только дочурка, которую он все замуж выдать пытается. Вот, говорит, выдам замуж, а там и на покой уходить можно. Да только что-то никто не берет королевну в жены.

– А чего так? Страшная?

– Перестань уже всех по себе мерить!

– Да, я страшная, и что мне теперь с этим делать?!

– Для кого страшная, для кого – наоборот. Знал бы, где ваш род обитает, отправил бы туда письмо. Туча женихов за твоей красотой прилетела бы!

– Нет в нашем роду мужчин. Только женщины. И все страшные.

– Надо бы с Волшебником по этому поводу поговорить. Может, он чем-то помочь сумеет.

– Чем же я помочь сумею? – из-за угла вывернул Волшебник и остановился напротив Казначея, по привычке опершись на посох.

– Гарпа найти.

– Возможно, и сумею, – подмигнул старец, – только не прямо сейчас. С твоим характером никакой мужик рядом с тобой долго не протянет.

– Как же мне характер мой изменить?

– Постепенно.

В тот же день с утра пораньше Стрелок разбудил героев и повел в Дальний Угол. Нелюдим предпочитал начинать работу с рассветом. Пока угли в горне разогреешь до нужной температуры, пока инструмент и материал подготовишь – так, глядишь, и обед наступит!

– А вот и мы! – приветствовал охотник кузнеца.

– Что-то вы припозднились. Время ковать, а мерки не сняты! Давайте, один на меха, один за щипцы, а ты, Стрелок, молот бери, подсобишь маленько.

В небольшом царстве жара и металла Нелюдим был полновластным хозяином. Никто не посмел перечить. Нацатага немедленно принялся качать меха, раздувая угли, Укусика неуверенно взяла в руки длинные щипцы.

– Болванки там, – указал в угол кузнец, – с чего начнем?

– С оружия.

– Это и так понятно. Что ковать будем?

– Ножи, – осторожно проговорила Укусика, выискивая продолговатые железные чушки, – метательные.

– Вот как?! Сразу дюжину?

– Полдюжины, – шесть металлических брусков легли в горн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.